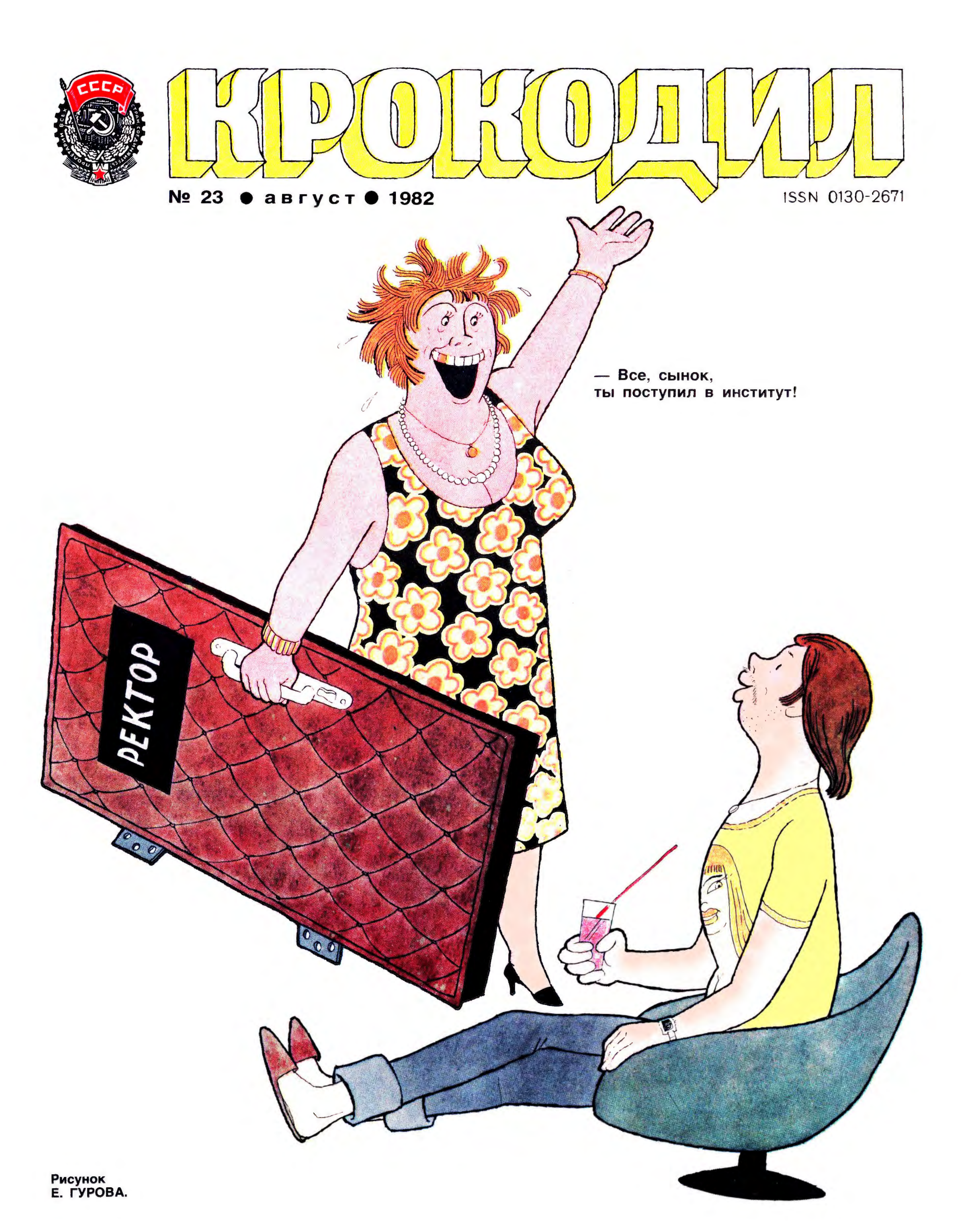
КРОКОДИЛ
№ 23 ● август ● 1982
ISSN 0130-2671

— Все, сынок, ты поступил в институт!

Рисунок Е. ГУРОВА.

Ф. КОРОВЬЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Чарский треугольник

Теперь он «товарищ Баранов И. В.», в прокуратуре Читинской области у него кабинет с табличкой на двери. А тогда, лет пятнадцать назад, он был шофером Илюхой, вел он ГАЗ-66, трактор «Беларусь» был погружен в кузов, и автомобиль наш проваливался под лед на зимнике реки Витим.

— А вот это ты не по правилам,— после нашего недоутонутия сказал Илюха,— не по правилам затеял из кабинки выскакивать, когда машина булькается под лед. Как раз крышей кабины и закрайком льда перерубит хребтину. Ты спокойно тони себе, а как утонул — открывай разом дверцу. Тут воздушным пузырем тебя и кинет в проломину. На Удокан я впереди тракторных караванов ходил. Тягач был у меня, за ним трос стальной метров на сто. Провалюсь на Олекме, меня из проломины вычерпнут — и в караван, на обсушку. Тем временем трос к тракторам учалят, дерганут мою материальную часть на лед, продуют ее от воды — шпарь дальше. В Удоканской экспедиции я славно служил.

Илья Баранов первым знакомил меня с удоканско-кодарской медью, железом и углем.

Между горными хребтами Удокан и Кодар лежит Чарская долина — сорок километров в ширину, полтораста в длину. Здесь в 1949 году по реке Наминге шла оленным маршрутом геолог Елизавета Ивановна Бурова. За ключом Скользкий, где стоит гигантский валун, формой точно как человеческое сердце, так и прозванный впоследствии — Сердце Удокана, произнесла Бурова свое «эврика!».

В 1955 году на удоканской меди встали первые бараки.

И, сперва вырубив в горе двести восемьдесят четыре ступени, с бурами и перфораторами на плечах поднялись на высоту, а затем пошли в недра горы проходчики. Проходка эта дала тот результат, что в Москве и в некоторых евроазиатских столицах перестали говорить «удоканское месторождение», а говорить стали «удоканская проблема».

По дипломатическим каналам поступили немедля в Москву бумаги: не разрешите ли взглянуть, что у вас на Удокане? Может быть, полезна какая-нибудь совместная разработка, концессия... Вот, кстати, и «Юнион Миньер дю о-Катанга», бельгийский гигант, в силу различных преобразований в Конго уже не «дю о-Катанга». Так компания вполне могла бы стать «дю о-Удокан»!

Москва разрешила приезжать и знакомиться. В вечномерзлотных штольнях варяги истово пальпировали руду, чтобы больше руды забилось под ногти, а потом в своей далекой державе выколупать из-под ногтей руду — и немедля ее на анализ.

Продолжение на стр. 4—5.

Всякие там Поповы

Андрей КОНСТАНТИНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

«На колени, мерзавка!» — подумал при виде инженера Поповой, входящей в кабинет, главный инженер «Желдорпроекта» А. П. Муромцев, но внешне лояльно произнес:

— Садитесь, пожалуйста, Ада Васильевна. В своем письме в ВЦСПС вы писали о незаконном присоединении профорганизации института к месткому управления Кемеровской железной дороги. А это гнусный навет!

— Я не писала наветов,— прошептала Ада Васильевна.

— Ваша фамилия Попова? — обличил Муромцев.

— Попова,— с ужасом подтвердила Попова.

— Надеюсь, вы не будете отрицать, что вы единственная Попова в нашем институте? Так какого же черта, извините, рожна, вы мне компостируете мозги? По жалобе именно Поповой наша профсоюзная организация откреплена от месткома управления дороги! И вы еще смеете отрицать свою причастность к поклепу?

— См-мм-ее-юю,— упрямилась сквозь слезы жертва.

— На дыбу! В карцер дегтемазку! Растопчу!!! — разразился главный...

Тут автор признается, что допустил некоторую вольность. Возможно, беседа проходила много интеллигентиее, с допольными поклонами и на высшем пределе нежности. Но ведь далеко не петрарковские ассоциации просятся на бумагу, когда читаешь приказ временно оставленного покомандовать главного инженера:

«Желдорпроект» Сибири и Дальнего Востока,
Кемеровский филиал

Приказ № 91 от 3 декабря 1981 г.

1 декабря 1981 года мной было потребовано от инженера Поповой А. В. представить объяснительную записку о том, обращалась ли она в вышестоящий профсоюзный орган и, если обращалась, то какой причиной это было вызвано. Тов. Попова А. В. представить объяснительную отказалась. Считаю такое положение недопустимым.

ПРИКАЗЫВАЮ

Инженеру ОИК тов. Поповой А. В. за нарушение трудовой дисциплины объявить СТРОГИЙ ВЫГОВОР с занесением в трудовую книжку.

И. о. директора филиала А. Л. Муромцев.

Просуществовал, впрочем, сей документ недолго и был отменен полновластным директором — Анатолием Илларионовичем Готовчиковым.

И, ах, как хотелось думать, что мудрый Готовчиков свершил этот справедливый акт, руководствуясь двумя положениями:

а) выговоры, даже если этого хочет главный инженер, увы, в трудовую не заносятся;

б) взыскание, объявленное за жалобу в вышестоящую организацию, изрядно отдает преследованием за критику.

Нет, в принципе шугануть Попову, мнилось директору, не помешало бы, памятуя хотя бы о том, что в свое время она подала на него в суд при попытке незаконного увольнения.

Только всплыло третье, решающее, обстоятельство: письмо в ВЦСПС писала другая Попова, Галина Владимировна, из Кемеровского технологического института пищевой промышленности!

И не жалоба это была вовсе, а просто запрос: правомочно ли присоединение никак не связанного с управлением железной дороги института «Желдорпроект» к управленческой профсоюзной организации. Тотчас усмотрев нарушение устава, секретарь ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта Н. Н. Лаврентьев отдал распоряжение отторгнуть профсоюзную организацию «Желдорпроекта» от месткома управления Кемеровской железной дороги.

«Родственница, значит!» — смекнул А. И. Готовчиков и поздним вечером направил в квартиру Галины Владимировны целую делегацию, которая принялась рьяно трясти генеалогическое древо.

Однако, поковырявшись в кроне и корнях, не нарыли родства желдорпроектировщики. Обидно... Тогда, оставив временно в покое мнимую жалобщицу, наваливаются на истинную.

И на столы ректора и председателя месткома технологического института ложатся документы о зловредной Поповой, «нанесшей вред работе и жизни профсоюзной организации нашего филиала», с лирическими отступлениями: «Считаем, что такие действия работника, занимающегося обучением и воспитанием будущих инженеров, недопустимы».

Там же намекалось, что это пока только абрис ее черной натуры, и в связи с этим «более подробные объяснения сути дела можем дополнить устно при разборе».

Внизу стояли подписи филиальского треугольника, жаждущего немедленно дать свидетельские показания.

Впрочем, дополнений не последовало. Да и зачем, когда письмо, само по себе ничего не доказывая, уже крупно мазнуло дегтем по авторитету Г. В. Поповой? Слушки поползли по институту... И просто жгучее любопытство раздирает: почему же все руководство филиала с безумством храбрых защищает, вопреки уставу, свои профсоюзные позиции?

Чтобы разобраться, возьмем какого-нибудь самого что ни на есть рядового взносоплательщика. Пусть его фамилия будет, допустим, Готовчиков. Взглянем: что получает рядовой член профсоюза А. И. Готовчиков от управления железной дороги. Для чего совершим небольшое

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ БУРЕНИЧЕВА В ДЕДЮЕВО

И если есть сказки Венского леса, то это — легенды, апокрифы леса Кемеровского! В глухой чащобе недалеко от разъезда Буреничево раскинулась мечта работников управления железной дороги — садоводческое товарищество «Локомотив».

Хмурый кобель с глазами, как чайные блюдца, злобно грыз колючую проволоку у въезда, силясь стащить с места избушку сторожа. Но была избушка двухэтажной, покоилась на вечном фундаменте: не то что псу — бульдозеру пришлось бы стать на дыбы, вздумай кто привязать бульдозер к сторожке.

Бульдозер — это плод авторской фантазии. На самом же деле к стене был приторочен настоящий железнодорожный телефон с рожком-ревуном. От него змеился в глубь леса первоклассный кабель.

Возжелай кто-нибудь из членов товарищества средь рабочего дня осведомиться, на огороде ли супружница — взревывал ревун, подбегал сторож, и в Кемерове узнавали, что да, супруга уже час как ковыряется на грядке редиски. Мелочь, а приятно!

Презентовал эту мелочь совершенно бесплатно член товарищества, начальник дистанции связи К. Л. Висун. А начальница финансовой службы управления дороги, тоже член кооператива, Е. И. Лапова помогла быстренько пробить 8 тысяч вспомоществования «Локомотиву». Отметим к месту, что практически не членствовали в товариществе рабочие, а все больше в сотоварищах пребывали начальники или, на худой конец, замы. И вот в момент пробурена скважина, крепостной крепости опоры поддерживают линию электропередачи, грибами растут дома...

Да что там деньги, телефон, двухэтажная монументальность того, что обязано именоваться домиками летнего типа для временного проживания!

Другой смысл приобретает слово товарищество, когда узнаешь: член «Локомотива», заместитель руководителя Кемеровского подотдела дороги А. Т. Федосеев просит соседа-садовода, начальника Кемеровского участка энергоснабжения Ю. П. Веревкина, завернуть одну железнодорожную платформу с государственным кирпичом к нему на участок. И берет себе восемь тысяч штук строго фондируемого кирпича, а остальные великодушно подбрасывает сочлену по товариществу, заместителю начальника железной дороги Н. И. Макарову. По-товарищески: тебе половина, и мне половина.

От «Желдорпроекта» способствовал процветанию «Локомотива» А. И. Готовчиков, в поте лица составлявший и утверждавший проектно-сметную документацию. И разве вилял бы ему по-свойски хвостом андерсеновский кобель, не будь Готовчиков в составе профсоюзной организации управления железной дороги?

Продолжим путешествие до станции Дедюево, где находится второе садоводческое общество управления железной дороги с красивым названием «Фантазия».

Злющий пес не грыз проволоку, поскольку не было здесь ни ограды, ни сторожки, ни, конечно, телефона. Да и сама «Фантазия» перманентно находилась под угрозой распахивания владельцем земли, одним из хозяйств области.

Остро ощущая свою неэлитарность, тут членствовали рабочие, медсестра, пенсионеры и служащие, именуемые в списках даже без должности, а просто: отдел учета и отчетности.

Грустно дебатировали пенсионеры с отделом учета и отчетности: распашут или не распашут, проведут воду или не проведут, дадут свет или нет?

Оба общества были созданы в один день, а дальше их судьбы разошлись, как встречные поезда.

Так вот, Готовчиков мчался навстречу счастью в «Локомотиве», а остальные сотрудники филиала мыкались в многострадальной «Фантазии».

И еще: за три года работы в филиале сумел Готовчиков через местком управления железной дороги получить квартиру, машину, единственный из института пробился в гаражный кооператив железнодорожников. А простые проектировщики даже не знали номера своей очереди на жилье: списки в «Желдорпроекте» не было принято вывешивать.

Вот на такой порядок, сама того не ведая, замахнулась Г. В. Попова и была наказана дважды — в лице Поповой А. В. и своем собственном — а не суйся с уставными требованиями!

На этом и заканчиваю я данное сочинение, дружески предупреждая всякого, кто носит в Кемерове фамилию, хоть отдаленно напоминающую мою: поменяйте, пока не поздно. На всякий случай...

Кемеровская область.

В Ы П И С К А

из протокола очередного заседания

ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЗАЖИМЩИКОВ КРИТИКИ

Принять в почетные члены Общества:

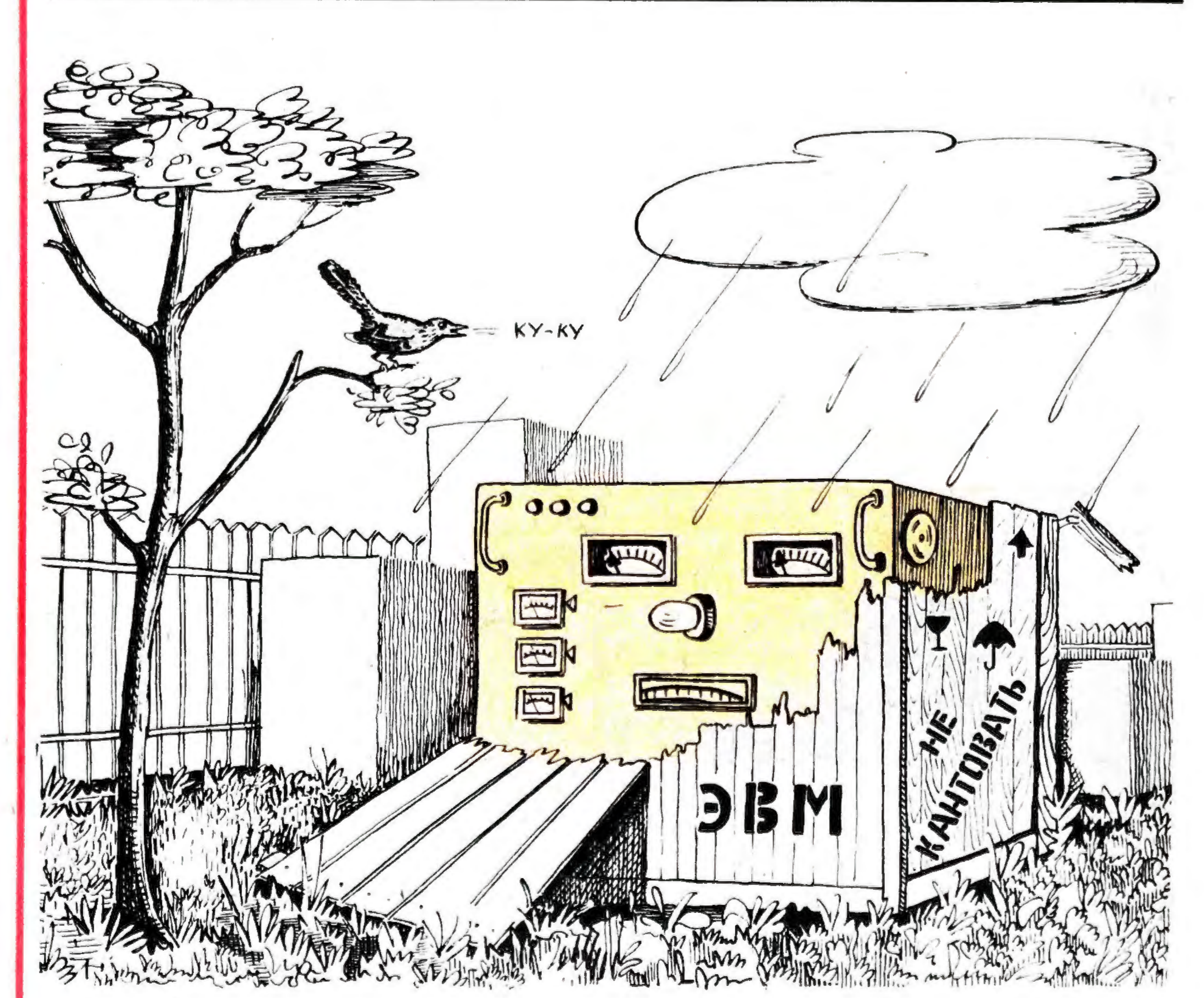
I) ГОТОВЧИКОВА А.И., г.Кемерово.

2) МУРОМЦЕВА А.Л., г.Кемерово.

ОСНОВАНИЕ: фельетон А.КОНСТАНТИНОВА "Всякие там Поповы".

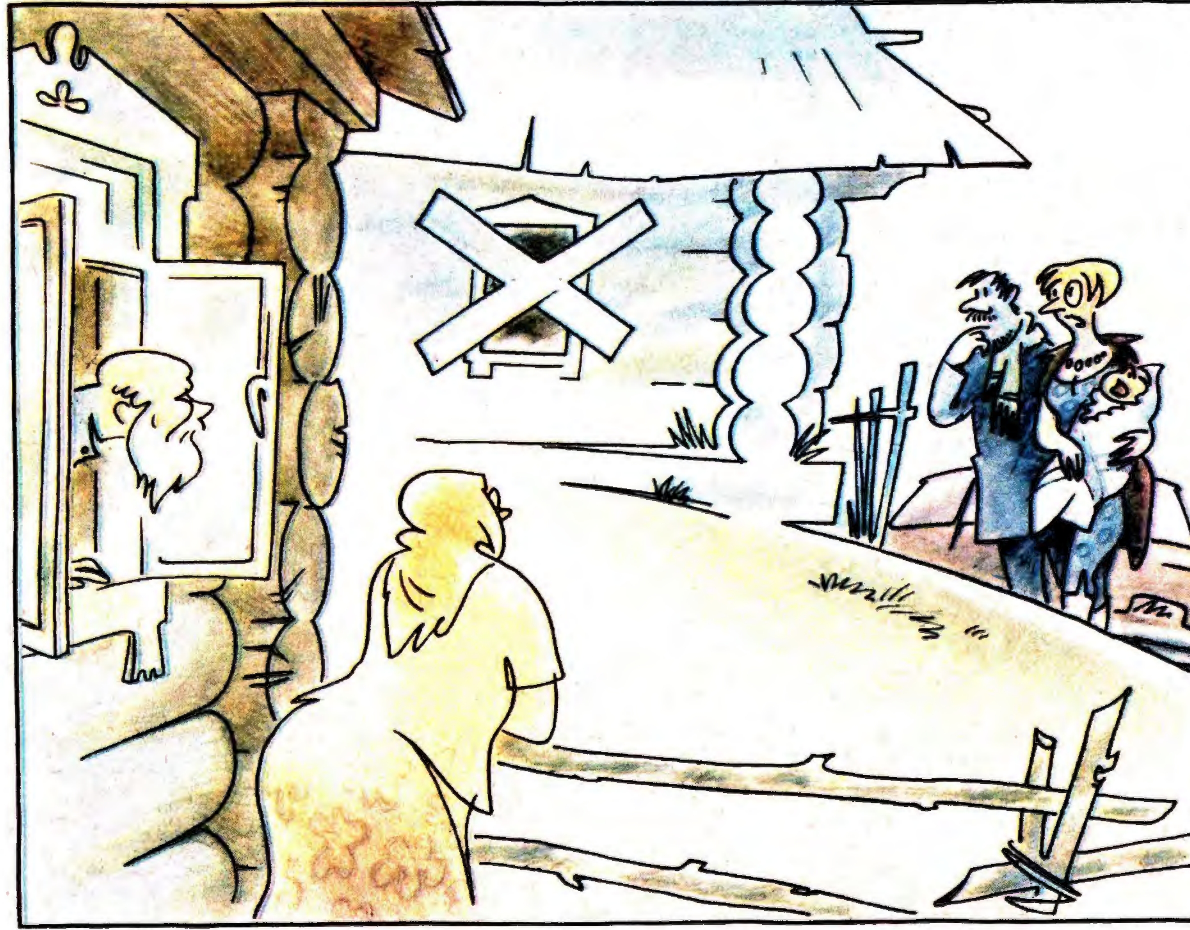
Выписка верна

— Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?

Рисунок А. ПАНАСЕНКО, г. Белгород.

— Смотри-ка, бабку вспомнили... Внука привезли, а она уже три года как... царство ей небесное...

Рисунок В. МОХОВА.

Начало на стр. 2

Но вникли в это таинство сопроводители из «Читагеологии» и, не конфузя гостей, а желая упростить им задачу, говорили:

— Вы не чинитесь, господа. Если вам нужны образцы, так, пожалуйста, отбивайте.

И господа с полными запазухами камней выходили из штолен на горное солнце.

— Колоссаль! — говорили представители фирм, озирая окрестный лунный ландшафт. — Большой руски медь. Рука об руку моет, надо содружество капиталов. Копать такой гора один страна не может.

— А может, что и осилим, — говорили люди из «Читагеологии». И осилили.

Мне нужен был ключевой человек, знаток Удокана (медь) и лежащих напротив, в Кодаре, Апсата (уголь) и Сулумата (железо). Мне его показали: начальник УПТОКа «Читагеологии» В. Г. Ерошин.

— УПТОК, — сказал Ерошин, — это почти то же самое, что строительство. А строительство — это награждение по завершении работ всех непричастных к нему и наказание невиновных. УПТОКи, управления производственно-технического обеспечения и комплектации при объединениях, недавно созданы Министерством геологии СССР. Это управления, не имеющие никакого касательства к любым победам геологов, но виновные в любых поражениях.

Я сказал Ерошину: известно, что он собирается проехать по партиям Удоканской экспедиции, вызнать на местах, кто в чем нуждается. Так не возьмет ли в попутчики корреспондента?

— Очень даже возьму! — оживился начальник УПТОКа. — Потому что нехватки того да сего на местах могут людей раздражать до полной невыдержанности. А кого виноватят в нехватках люди? Меня! И при встречах могут иметь место резкости. Но при вас, человеке стороннем, я думаю, от меня будут требовать буровое железо и электролампочки в пределах устной речи, без рук.

В недалеком прошлом Чара не знала легкового автомобиля. АН-26 доставил сюда первые «Жигули», из гордости купленные В. Осиповым, главным инженером экспедиции. И когда наш самолет закладывал предписанный круг над Чарой, нам виден стал В. Осипов, преодолевающий в «Жигулях» один из пяти полукилометровых и доступных «Жигулям» в Чаре маршрутов.

Чара, одноэтажная деревянная столица последнего участка БАМа, бурно строилась. Десятки большегрузов неслись по ее улицам, и за всяким окном, ловя каждый люкс и люмен северного солнца, зрела в ящиках помидорная поросль.

Из Чары мы ехали в Намингу, на медь.

— У нас, — сказал шофер Коля, — две вещи от дорожных условий происходят с водителем. Ежели без прерывки стажа проработает водитель лет пять в горах, то выпусти его на ковер — он всю сборную СССР по борьбе передушит, такие от баранки развиваются руки. А бывает наоборот: колеса бьются о камни, и через баранку в руки такой передается сотряс, что высыхают руки.

Тысячами взрывов выбитая в скалах, вперед убегала дорога — сорокакилометровая, исковерканная, лежащая вверх зубьями борона.

— И вот, — сказал мне Ерошин, — отметьте удивительное номер раз. Эту дорогу вы видите, да другой здесь и быть не может. Тысячи рейсов мы делаем здесь, и скальные обломки режут резину, и моторы, работая на пределе, не выхаживают даже половины предписанного ресурса, и рамы свиваются в жгут, и пережог бензина двойной — а для нас на все установлены те же нормы, будто ездим мы по асфальту Манежной площади поглазеть на тюльпаны в Александровском садике!

Мы проехали бескрайние, в бордово-салатных лишайниках каменные осыпи под названием Тещин огород и Ганькин огород, мы докарабкались, доскреблись колесами до камня Сердце Удокана, и скоро открылась дикая долина Наминги и на дне каньона — поселок.

— Вот, — сказал Ерошин, — вот он, наш товар лицом. И представьте, какой это был отчаянный труд — за шестьсот километров по зимникам везти сюда брус для домов, геологическое оборудование, электростанции. Одному человеку надо говорить спасибо за это — Горячеву. Есть один такой крестьянин, он у нас в Могоче завгаром. Царь и бог северных трасс. Вот его бы и пригласить в Москву консультантом по установлению горным геологам норм на бензин и технику. Притормози-ка, Коля!

И мы тормознулись у электростанции Наминги, где перед входом в здание лежал на боку гигант — восьмисоткиловаттный дизель весом в тридцать шесть тонн.

— Нанести бы ему урон, — показал на дизель Ерошин, — разобрать его на железнодорожной станции, в пять машин доставить сюда. Но подошел Горячев, поласкал дизель рукой и сказал: я доставлю железину в сборе. И небывалый, тройного превышения вес погрузили на КрАЗ, сел в кабину наидоверенный водитель Горячева, а Горячев как командир пробега сел рядом. И этот КрАЗ стал сзади подпирать другой КрАЗ, а впереди тащил еще КрАЗ, и в три машины, за четыреста километров, в горы полез караван.

И небывалое дело свершилось.

После этого Ерошин показал на транспарант. На транспаранте значилось:

СЛАВА ШОФЕРАМ ГОРНЫХ СЕВЕРНЫХ ТРАСС!

— Маленькие буковки, — сказал Ерошин. — Их втрое бы больше.

Помимо центральной усадьбы в Чаре, три поселка есть у экспедиции: на меди — Наминга, на угле — Апсат, Сулумат на железе.

Геологи Наминги пробили многокилометровые разведочные штольни в мерзлотных толщах горы, они подняли буровые установки на такую высоту, что сперва буришь облако и только много потом идут скальные породы и руда. И им, удоканцам, при множестве трудностей не изменяют оптимизм и хорошее настроение. Что выражается хотя бы в именовании водки, которой тут нет, не водкой, а «каплями Карпова», по фамилии начальника ОРСа. Что выражается в маркировке на стаканчике в вагоне у чела штольни — «Для пить». Что выражается, извините, в обустройстве туалета на одиннадцатой штольне, который называется «Испытай себя». И всякому приезжему неназойливо рекомендуют перед осмотром штольни посетить этот туалет — и он посещает. Бледный, с несколько диагональным лицом выходит приезжий из этого туалета весельчаков. Потому что, несколько удивленный отсутствием шумовых эффектов, заглядывает всяк приезжий в отверстие — и видит землю так, как видит ее пилот, далеко внизу. Потому что туалет прилеплен к вершине горы над пропастью.

А что же наш начальник УПТОКа Ерошин, жив ли, не растерзан ли претензионниками? Нет, еще не растерзан, пишет в геологическом зеленом блокноте просьбы геологов и пожелания, ледяной горный ветер Наминги прихватывает в ручке шарик, Ерошин, подержав конец ручки во рту, отогревает его и снова пестрит текстом страницы. Потом снова среди каменной голой страны ныряет УАЗ бывалого Коли, и Коля рассказывает, как вон там двадцать лет назад двое буровиков, отличные ребята, вылезли к солнцу из штольни и были унесены лавиной. А вон ту вершинку, в ней высоты 1496 метров, один мужичок в погоне за длинным рублем всерьез собирался досыпать до 1500 метров, потому что работал он там, а высотные платят с высоты в полтора километра.

К ночи мы прибыли в свою комнату. На улице вовсю валил снег, а в комнате было полно белых бабочек.

— Дело к лету, — объяснил бабочек начальник УПТОКа.

— Одно слово — УПТОК, — с состраданием глядя на Ерошина, сказал подселившийся к нам Виктор Васильевич Галеев, начальник производственного отдела объединения. — Не слишком ли жирны бабочки? Это же моль! Вы шапки на ночь в полиэтилен заверните, не то к утру одни тесемки останутся. Подвела экспедицию тяга к добротности: от мерзлоты утепляли дом шерстяными паклями, а приманили на шерсть вон кого.

Моль хороводилась облаками, опровергая все энциклопедии, описывающие бесшумный молий полет. Окажись здесь фантаст — к утру он выносил бы сюжет о тяжелой и продолжительной схватке человечества с этой породой моли, едва не закончившейся гибелью цивилизации.

На Апсатское месторождение коксующихся углей, в хребты Кодара, наша машина идет по висячему мосту, сплошь уставленному рогатками и ограничителями, чтобы никто неположенного веса и габаритов не прокрался по мосту на тот берег. И на шестнадцатом километре мы пересекли трассу БАМа. Здесь, как будто по касательной к Земле, совершил вдоль Чарской долины глиссандо дублер Тунгусского метеорита, и теперь просеку зачищают оранжевые «Магирусы». Чуть левее здесь строится БАМом новая столица района — станция и город Новая Чара. В старой Чаре останется лишь экспедиция.

Путь наш долог, мы только еще подбираемся к подошвам Кодара, и в отдалении видны красивейшие, но мертвые озера (ложе их — вечная мерзлота, а поэтому нет донной растительности, а без нее нет никакой другой жизни).

Часа через три пути мы спустились из скал на лед ручья, иссосанный талыми водами, и вскоре по правому берегу, в скальных откосах, запестрели аншлаги и флажки взрывников. Они выбивали полку в скалах над Безымянным. Весь лед впереди был в каменном крошеве, брошенном взрывами сверху. Со временем эта полка, сотни тысяч кубов с толком взорванных скал, превратится в дорогу. По этой дороге с Апсата на станцию пойдет коксующийся уголь.

— Программа будет такая, — предложил Галеев. — Сначала взберемся на буровую мастера Зимина. Потом спустимся в поселок Апсат, Ерошин проинспектирует склады, что там есть, чего нет. Потом по Баякиту и Безымянному пойдем поразиться открытым выходом угольного пласта на поверхность.

Буровой мастер Зимин вел разведку вполвысока, на высоте чуть более километра.

— Раньше мы заглублялись вон там, — показал он на снежники вершин, — а теперь-то милое дело. Но все же самое бы оно в этих условиях — штольнями делать разведку, как медь на Наминге, в определенных местах. Однако потребуется тут искровзрывобезопасное оборудование, которого нет. Экспедиция обращалась в союзное угледобывающее министерство, но ничем не помогло министерство, хотя и заверило: мы, товарищи геологи, восхищены вашими достижениями, и министерство с большим интересом следит за вашей работой, дуйте в том же ключе.

Здесь заметил Ерошин, что одобрительная деятельность министерств и «неослабный интерес» к экспедиции были всегда куда сильней, чем желание помочь простой гайкой с правой резьбой, не говоря уж о левой. А теперь и «неослабный интерес» приказал долго жить: уже год как медь Наминги защищена геологами в Государственной комиссии по запасам, и эта конфета, освобожденная даже от фантика, давно может быть передана Министерству цветной металлургии СССР. Но все никак не подберет министерство подходящего заместителя министра, чтобы приехал он и принял под разработку несравненное месторождение. Не будет ли так и с углем?

И из ласточкина гнезда бурмастера Зимина мы пошли смотреть открытый выход пласта.

Уголь был налицо. И не пластик, даже не пласт, а сорокаметровая вертикальная толща, черный лампас на боку горы. Там, в вышине, работали взрывники и бульдозер. Бульдозер скатывал вниз угольные валуны, работая покуда не для всесоюзных металлургических, а для местных баннопрачечных и пекарных нужд.

В свете этого главинж Осипов взялся растолковывать посторонним рисунок залегания здешнего угольного пласта. Который природа завернула и не рулетом, и не четко выраженной горизонталью или вертикалью, а вроде как дама в вечернем платье отошла в сторонку, отогнула край платья и проверяет, чулок поехал или же цел. Вот так, отогнутым краем платья, уж извините за вольность, и положен апсатский пласт.

Ф. КОРОВЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

В треугольнике Наминга — Апсат — Сулумат мы были на последней точке — на сулуматских железных рудах.

Интеллектуал и атлет, заместитель начальника экспедиции Московца Петр Теличкин, давно окончивший Ленинградский кораблестроительный институт, а теперь выпускник Горного института, ехал с нами на Сулумат.

— Про Сулумат нам известно, — сказал Ерошин, — что это самый молодой, самый комфортабельный, самый зажиточный из экспедиционных поселков. Сулуматцы разведывают Чаро-Токинскую провинцию железных руд. Тянется она на сто пятьдесят километров, голова в Читинской области, в Сулумате, а хвост уходит в Якутию. А если якутам обидно, скажем так: голова в Якутии, хвост в Сулумате. Не это главное. Главное, что эта провинция весома не менее Курской магнитки. Здесь руды на десятилетия, и здесь будет четвертая металлургическая база страны. А Положенцев Александр — тут, в Сулумате?

— Нету Положенцева, — сказал про бригадира проходчиков, орденоносца, депутата, члена райкома мрачный Юрий Иванович Мотористов, начальник партии на Сулумате. — Вышел из горы, погнал в Чару: у него третий ребенок родился.

И повеселевший оттого, что нет в горе Положенцева, известного резкостью суждений и выпадов в тех случаях, когда нужды горнопроходчиков не разрешаются, начальник УПТОКа засобирался в гору.

Есть нечто общее между началом и концом хирургической операции и входом-выходом из штольни. Количество инструментов после операции всегда сличается с тем, что было до операции (а вдруг да в горячке забыли внутри брюшной полости скальпель?).

Точно так на штоленной вахте переписываются все, кто входит в штольню, и сколько взято фонариков, сколько касок и проч. А на выходе сличаются исходящие со входившими: не потерялся ли кто в недрах горы?

Положенцев когда-то работал на меди, в Наминге. Однозначно и там был он светочем, маяком, правофланговым, застрельщиком и все в этом роде.

— Но, — говорил мне в Чите главный инженер «Читагеологии», ооновского дипломатического обличья мужчина Евгений Николаевич Смирнов, — вышли некоторые обстоятельства, объяснять их не буду, по которым объединение и сам Положенцев решили: надо ему из Наминги перейти в Сулумат. В министерстве встали на дыбы: лучшего бурильщика министерства вырвать из элитного коллектива и бросить на угасание в непередовую среду?

Но под министерские громы все же ушел на Сулумат Положенцев. И опять создал здесь бригаду — из лучших лучшую.

Но сейчас, сказали бригадники, вообще бригада в простое. Нет буровой стали, недоотгрузила Москва, «Серп и молот». Примитивная вещь — стрелочные переводы для узкоколейки. Новокарагандинский завод должен был дать шестьдесят — не дал ничего. Таганрог не дал трубы. И противокомариного нет ничего. В штольню комар не рискует лезть, но как выйдешь из штольни — жизни конец. И ведь здесь высота, потолок комариного лета много ниже, но такой здесь массивный комар, что, пролети он в зоне радара — отметит его радар! Вызывали мы сюда местного журналиста Снегура, чтобы он отразил наши нужды, но его мобилизовали на сено, он не смог заострить вопрос.

— Я, товарищи, — сказал Ерошин, — начальник УПТОКа. Я и приехал, чтобы все нормализовать. И вы всё получите, как часы.

— Как часы мы боимся, — сказала бригада. — Это мы знаем. В одной тут организации мужика наградили часами и грамотой. Ну, и часы затеряли в процессе вручения, но про грамоту обнадежили: не журись, получишь, как часы. Нам как часы не надо, нам надо делом.

— Ладно, — сказал Ерошин, — мне вы не доверяете. А командира Читинского авиапредприятия Артеменко В. М. знаете?

— Положенцев упоминал уважительно.

— Так командир при мне в Чите вот так руку поставил на стол, ребром: первый из грузовых бортов, что окажется в порту, с буровым железом возьмет курс на Чару. Командиру вы верите?

— Ну, если руку ребром поставил на стол, так чего же.

И, перечтенные по головам, мы покинули неосвещенную штольню, покинули Сулумат.

В Чаре ночью шел снег. В Чаре, видимо, спали все, но не спали двое: Иван Андреевич Московец, начальник Удоканской экспедиции, и Ерошин. Они резюмировали. Моль, отъевшаяся на шерстяной пакле гостиничной комнаты, клубами вилась вкруг съедобных шевелюр мужчин.

— Две «Дружбы» дашь? — вкрадчиво говорил Московец.

— Ты смеешься надо мной! — разгребая в воздухе моль, чтобы увидеть лицо собеседника, вскрикивал Ерошин. — Все объединение на год получает четыре «Дружбы», и твоя экспедиция не одна у нас. Выйдет на «Дружбе» из строя мотор — так поставь с шахтного вентилятора, там мотор тот же самый. Вентиляторов мы получаем двадцать.

— Но пила — она стоит сто шестьдесят рублей, а вентилятор — шестьсот. Не накладно мне его разукомплектовывать? И еще нужны мешки брезентовые под образцы пород.

— Не будет мешков. Министерство выделяет нам четыре тысячи при потребности объединения в тринадцать раз большей. Крепитесь. Зато расшибусь, но обеспечу вас путными рукавицами, буровыми трубами и железом.

И они склонились над калькулятором, удивленно отпрянув, когда он показал девяносто шесть процентов удовлетворения нужд экспедиции.

— Ну, — сказал Ерошин, — я думал, дам тебе всего девяносто один процент, а выходит вон как. По этому случаю, если желаю я спать, ты препятствовать мне не смеешь.

— Ладно, спи, — сказал Московец и шагнул было за дверь, в крупный снег. Но вернулся и сказал: — Ты, Григорич, прошлый год для сулуматских бурильщиков добыл отличный станок, править головки буров. Ставлю тебя в известность, что заточный круг для него остался теперь один.

— Мать честная, — слезно сказал Ерошин, — почему я не родился точильным кругом? Есть такая пословица, Иван Андреич: уходя — уходи. Максимально все ты вытащил из меня.

— Ухожу, — обнадежил Московец. И ушел, человек удивительной должности — начальник экспедиции, то есть круглосуточно и на громадной территории всем начальник, всем папа, всем мама, жилищник, утрясатель семейных конфликтов, душеспаситель, искоренитель, труд-зарплата и все на свете.

Два самолета, один в хвост другому, пришли в девять утра. Пассажирский АН-24 принял на борт пионеров из Чары, грузовик АН-26 — слово Артеменко! — доставил Положенцеву три тонны бурового железа.

Наш грузовик взлетел, заложил круг над Чарой, где будут в долине три города и три комбината — уголь, железо, медь. Прошли под крылом сорок километров реликтовых неприкосновенных песков, и Ерошин, приникши к иллюминатору, озирал это — «близок локоть, да не укусишь».

— А ведь хотелось бы, — спросил я, — задействовать эти пески, Владимир Григорьевич? Организовать завод стройдеталей...

— Не без того: хотелось бы. Рубль штука — по такой цене завожу я нынче в Чару кирпич.

— Так, может, того, с применением установок «Тарбаган» совершить подкоп под пески, как раньше подкапывались под казначейства?

— Пусть остаются пески, — сделал широкий жест Ерошин. — Резон простой: ведь сколько нами ни найдено уже всякой всячины вдоль отрезка бамовской трассы — все равно территория обследована всего на пятнадцать процентов. В восьмидесяти пяти остальных уж песок-то как минимум есть.

Наминга — Апсат — Сулумат,
Читинская область.

ЖАМИДИН

Когда директором был я...

Есть в совхозе всем известный
Магомед,
От него соседи, гости и родня
Слышат в день по десять раз немало лет:
«Вот тогда, когда директором был я...»

Чуть промашка, в чем оплошка,
где просчет,
Магомед трубит свое на все края:
«Кто же так ведет хозяйственный учет?
Вот тогда, когда директором был я...
Разве так теперь стараются быки?
Разве нынче поросится так свинья?..
Нет в хозяйстве нашем правильной руки...
Вот тогда, когда директором был я...
Вот при мне тогда пахали!.. А сейчас
Все неправильно — от вспашки
до жнивья...
Наш совхоз умел греметь
на весь Кавказ
Лишь тогда, когда директором был я!»

И, представьте, доля истины тут есть,
И тогда, когда директором был он,
Высока была совхозовская честь,
Пусть не весь Кавказ,
но знал его район...
В те давно уже прошедшие года
Захворал директор, зам ушла
в декрет,
Инженер уехал в отпуск, и тогда
Стал директором совхоза Магомед.
В этой фразе Магомед, увы, не враль:
«Вот тогда, когда директором был я...»
Только надо уточнить одну деталь:
Он директором сидел всего два дня!

Ты — это я...

Когда карман был полон, всякий раз
Хозяин пил, вливая бодрость в тело,
И засыпал немедля с пьяных глаз,
А утром голова его болела.
Он всякие лекарства принимал,
Но боль, увы, никак не проходила,
И анальгин ему не помогал,
Больного пятерчатка не целила...

«Скажу, что нездоровится, и пусть
Работа без меня сегодня длится...» —
И наш больной спешил
рассеять грусть,
Короче говоря, опохмелиться.
Хмельным лекарством
бодрость обретя,
Решал тогда в порыве вдохновенья:
«По случаю такому, не шутя,
Продолжим для подъема настроенья...»

И так до поздней ночи каждый день
Он продолжал прием
хмельного зелья
И засыпал, упав в ночную темь,
А утром снова — то же невезенье...
«Скажу, что нездоровится, и пусть
Работа без меня сегодня длится...» —
И наш больной спешил
рассеять грусть,
Точнее говоря, опохмелиться...

Раскалывалась пуще голова,
Глаза безостановочно мигали,
И вновь лекарства, словно
трын-трава,
Похмельной голове не помогали...
Взбодрившись как-то порцией вина,
Спросил он собутыльника-соседа:
«Сегодня пью... и завтра...
Старина,
Скажи мне, чем же кончится
всё это?..»
«Чем кончится? Взгляни-ка на меня...
Я одинокий... никому не нужный...
Не хочет признавать меня родня...
Моя жена давно живет безмужней...
В дожди, в жару, в снега и в холода
Весь мой костюм — заплата на заплате...
Ты — это я в недавние года...
Я — это ты в конечном результате...»

Перевел с лезгинского
Андрей ВНУКОВ.

СРЕДИ ШАБАШНИКОВ.
— Ура, дом принят с кучей недоделок!

Рисунок
Б. СТАРЧИКОВА.

Очевидное — невероятное

Разлука была беспечальной

Два моршанца нетерпеливо барабанят в дверь ресторана «Цна».

— У нас обед,— отзываются с той стороны.— Ждите!

Чтобы сломить сопротивление персонала, неурочные посетители вынуждены представиться:

— Мы из угрозыска!

Дверь немедленно отворяется. Официантки расплываются в улыбке. Срабатывает инстинкт самосохранения. Официантка Тугучева, порхая бабочкой, смахивает со стола незримые крошки.

Друзья заказывают бутылку коньяка и все прочее. Будь это рядовые посетители, Тугучева, взбешенная покушением на ее личное время, перстом показала бы на дверь. И была бы права. Да и правила разрешают подавать лишь по сто граммов спиртного на душу жаждущих. Но это были не обычные выпивохи, а важные птицы.

Когда бутыль была испита до дна, один из сыщиков уронил голову на стол и заснул. Тут Тугучеву вдруг охватило беспокойство. Прокутили детективы деньги немалые, а расплачиваться не собираются. Один, который Мусин, отключился, другой, который Пичида, тоже не шуршит купюрами.

— Проведите меня к вашей директрисе,— приказывает Пичида, когда официантка заикается о деньгах.

Войдя в кабинет, работник угрозыска велит лишним освободить помещение и начинает распекать руководителя.

— Что же вы так плохо воспитываете своих подчиненных? Мало того, что напоили нас до одури, усыпив бдительность, еще и денег требуют!

— Не беспокойтесь сами и нас не беспокойте, — примирительно говорит директриса Л. Клим.— Продолжайте в том же духе.

Гости продолжали в том же духе, пока Мусина-сыщика не выкупила у официантки его жена, а Пичиду-сыщика не задержали сыщики же, но только подлинные. Как уже догадался читатель, никакие друзья не детективы, а самые беспардонные самозванцы, решившие злоупотребить уважением, которое издревле испытывают работники торговли к блюстителям закона. И друзья они оказались ненастоящие. Собутыльники встретились и братски обнялись за пять минут до рокового визита в безразрядной забегаловке. Поэтому разлука была беспечальной. Впрочем, они снова встретились. Теперь уже в народном суде.

Р. САРИМОВ, г. Моршанск.

НИЧЕГО ИЗ МНОГО ШУМА

Р. БЕРКОВСКИЙ.

Август 1978 г.

Чесноковой С. И., Ивановой Т. П., Хитровой А. В., проживающим по ул. Фучика, дом 11/13, кв. 12.

По Вашему заявлению СЭС Краснопресненского района выезжала для обследования и замера шума. Ввиду Вашего отсутствия обследование не было проведено. Прошу Вас до 30 августа обеспечить возможность замера шума.

С. Астафьева, главный государственный санитарный врач Краснопресненского района г. Москвы.

Январь 1979 г.

По Вашему заявлению от 8/12 — 78 г. санэпидстанцией Краснопресненского района проведено обследование с замерами уровней шума, проникающего в жилые комнаты от работы насосов подкачки воды. Райжилуправлению Краснопресненского района предложено провести обесшумливающие мероприятия.

С. Астафьева, главный государственный санитарный врач Краснопресненского района.

Март 1979 г.

Исполком райсовета, рассмотрев Ваше письмо, сообщает, что в СЭС направлен запрос для замера уровня шума, проникающего в Вашу квартиру. По получении результатов при необходимости будут приняты соответствующие меры.

Л. Кабанов, заместитель председателя исполкома Краснопресненского райсовета.

Апрель 1979 г.

Исполком райсовета сообщает, что начальнику РСУ жилищного управления поручено до 30 апреля с. г. произвести работы по обесшумливанию насосного помещения: отремонтировать валы насосных агрегатов, установить дверь в насосном помещении. Об окончании работ Вам будет сообщено дополнительно.

Л. Кабанов, заместитель председателя исполкома Краснопресненского райсовета

Февраль 1980 г.

По Вашему заявлению от 26 декабря 1979 г. санэпидстанцией повторно проведено обследование с замерами уровней шума в Вашей квартире от работы насосов подкачки воды. Материалы обследования направлены председателю исполкома райсовета с просьбой об ускорении проведения работ по снижению шума до санитарных норм.

С. Астафьева, главный государственный санитарный врач Краснопресненского района.

Апрель 1980 г.

Отдел теплотехники, газовых установок и сантехники управления эксплуатации и ремонта зданий и инженерных сооружений Главмосжилуправления рассмотрел заявление жильцов, проживающих в кв. 12, д. 11/13 по ул. Фучика, на шум от насосного оборудования, расположенного в подвале дома. При проверке факты подтвердились, и намечено выполнить обесшумливающие мероприятия во 2-м квартале с. г. Выполнение работ контролируется Краснопресненским райжилуправлением.

Л. Ладнева, начальник отдела.

Апрель 1981 г.

Исполком райсовета, рассмотрев Ваше заявление, сообщает, что принимаемые мероприятия по обесшумливанию насосного оборудования положительных результатов не дали. Исполком райсовета на ближайшем заседании будет рассматривать вопрос о переселении Вас на равноценную жилую площадь. До отселения дирекции по эксплуатации зданий № 4 поручено следить за работой насосного оборудования и своевременным отключением его в ночное время.

Л. Кабанов, заместитель председателя исполкома Краснопресненского райсовета.

Ноябрь 1981 г.

Отдел теплотехники, газовых установок и сантехники управления эксплуатации и ремонта зданий и инженерных сооружений Главмосжилуправления рассмотрел заявление жильцов дома 11/13 по ул. Фучика на проникновение шума от работы насосного оборудования в жилые помещения квартиры № 12 указанного дома. Проверкой установлено, что в помещении насосной выполнены обесшумливающие мероприятия, однако не обеспечено снижение шума до нормативных пределов. В связи с этим Краснопресненским исполкомом райсовета принято решение об отселении проживающих в указанной квартире. Выполнение контролируется Краснопресненским райжилобъединением.

Л. Ладнева, начальник отдела.

Апрель 1982 г.

Исполком райсовета рассмотрел Вашу телеграмму и сообщает, что в настоящее время приняты меры по своевременному отключению насосов в бойлерной д. 11/13 по ул. Фучика. СУ-9 объединения «Мосинжремонт» предложено обеспечить ежедневное отключение насосов подкачки воды по режиму работы с 23 час. до 6 час. утра.

Л. Кабанов, заместитель председателя исполкома Краснопресненского райсовета.

* *
*

Что же дальше? В исполкоме о нас и не вспоминают. Шум от работы насосного оборудования по-прежнему адский. Но если раньше нам разрешали выключать на ночь всю эту «машинерию», то нынче в преисподнюю даже не проникнуть. Заменили не агрегат, а замок на двери. Вот и получилось: много шума и — ничего!

С. ЧЕСНОКОВА, Л. ХОРЕВА, О. ХОРЕВА, Т. ИВАНОВА, Г. МОЖАЕВА. г. Москва.

...И с плеч долой!

Внимание, на старт!

Если тот, кто придумал колесо, был гений, то тот, кто придумал велосипед, тоже был не последним человеком. В этом убедился наш читатель А. Архипов из поселка Яя Кемеровской области, когда его сын стал раскатывать на велосипеде Минского мотовелозавода.

Но вот беда: в процессе раскатывания лопнули камеры и покрышки. А. Архипов понял, что пришло время педалить в магазин.

— Да у нас камер и покрышек не было примерно с того времени, как придумали колесо!

Другой бы отчаялся, но для А. Архипова этот ответ прозвучал как выстрел стартового пистолета. Он двинулся дальше, то есть написал письмо на Минский мотовелозавод. Довольно быстро пришел ответ:

«Мы резину не изготавливаем и в наличии запасных частей не имеем».

Тут доброхоты-советники ему указали дорогу на Воронежский шинный завод.

А. Архипов уверенно набирал скорость. Появилось второе дыхание. Вот в почтовом ящике мелькнул ответ из Воронежа. Оказалось, что под страхом наказания заводу «запрещена продажа продукции не по нарядам «Союзглаврезинснабсбыта».

Несколько потеряв скорость, А. Архипов все же выбрался на финишную прямую. Он написал прямо в Главкультбытторг Министерства торговли СССР. Оттуда переслали письмо в Минторг РСФСР. А там разъяснили, что шины бывают в продаже эпизодически и обращаться надо в местные торгующие организации. То есть в тот самый магазин, откуда стартовал покупатель.

И тогда А. Архипов задумался: а кто все-таки сильнее: те, кто придумал колесо, или те, кто не дает великому изобретению сдвинуться с места?

И. СКОРОБОГАТОВА.

Вот такие пироги!

Загнали в бутылку

Уж сколько лет изумленная публика пытается разгадать, каким образом, скажем, кокетливая ассистентка блистательной династии Кио, только что гарцевавшая по манежу, вдруг оказывается замурованной в сундуке за семью печатями.

«Чудеса, да и только!» — покачивает головами публика, столбенея перед секретами иллюзионистов.

А что сказала бы почтеннейшая публика, увидев, допустим, вот эту продукцию, выпущенную винодельческим заводом г. Комсомольска-на-Амуре, — бутылку с попавшей внутрь дамской шпилькой? Тоже чудеса?

Покупательница К. Ройтман из г. Биробиджана, которой достался этот сувенир, не без юмора замечает, что неплохо было бы найти в бутылке, скажем, золотое кольцо, дамские часики или парик...

На письмо откликнулась директор завода А. Фисанова. Она сообщила, что виновные лишены месячного премиального вознаграждения. Покупательнице К. Ройтман принесены извинения и возмещен причиненный ущерб. Впредь, заключает ответ редакции тоже не лишенная юмора А. Фисанова, кольца, часы, а тем паче парики в продукции предприятия попадаться не будут.

А. ХАЗАНОВ.

«ХИРУРГИЧЕСКИЙ» ИНСТРУМЕНТ. Рисунок В. МОЧАЛОВА.

«ХИРУРГИЯ» СО ВЗЛОМОМ

Агрессия Израиля против Ливана подавалась Вашингтоном и Тель-Авивом как «краткая хирургическая операция». Однако жертвы операции исчисляются десятками тысяч жизней мирных жителей. Стотысячная армия костоломов в израильской военной форме распотрошила соседнюю страну.

И тщетно вашингтонские столоначальники отводили глаза и разводили руками — мы, мол, не давали Тель-Авиву зеленого света на вторжение в Ливан (см. рисунок наверху справа). Без рентгена очевидно, что главным профессором-консультантом по кровопусканию являются США (см. рисунок слева).

Цель, которую преследует Вашингтон, ясна: врезать в этот район свои военные базы (см. рисунок внизу справа). По мнению Белого дома, такая трансплантация позволит Пентагону держать руку не столько на пульсе, сколько на горле арабского мира.

Но мир видит, что американо - израильская «хирургия» — это бандитская, разбойная агрессия, а базы США — язвы, могущие нанести непоправимый вред здоровью и жизни стран Ближнего Востока.

ДЯДЯ СЭМ: — Это ужасно! Я этого видеть не могу.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА.

Расчищают дорогу...

Рисунок Е. ГУРОВА.

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ — СМЕХ

Среди шумных, оживленных улиц в центре Таллина притаились старинные улочки и переулки с красочными витринами магазинов, театральными тумбами, островерхими пиками соборов, старомодными уличными фонарями, россыпью маленьких уютных кафе

Эти переулки и улочки являются как бы оазисами отдохновения от шума и суеты современного города. В древнем Таллине гостил XV Всесоюзный кинофестиваль.

Лидия Смирнова, Вячеслав Тихонов, Михаил Глузский, Елена Проклова, Михаил Ножкин, Олег Янковский... Нет, всех популярнейших киноактеров, пожалуй, не перечислишь — глаза разбегаются.

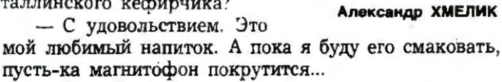
Сегодня Крокодил прощался с городом старого Тоомаса: фестиваль подходил к концу, уже были вручены все призы и дипломы, в том числе и приз Крокодила — за лучшую сатирическую ленту — детскому юмористическому киножурналу «Ералаш». И, несмотря на пословицу: «В гостях хорошо, а дома лучше», — уезжать из гостей, честно говоря, не хотелось: столько было приятных встреч, интересных знакомств, подлинного радушия... Последняя встреча состоялась перед самым отъездом

За столиком уютного маленького кафе, каких полным-полно в Таллине, сидели трое: писатель Анатолий Алексин, директор студии имени Горького Евгений Котов и драматург Александр Хмелик.

Александр ХМЕЛИК

— Какая встреча! — обрадовался Крокодил. — Вас-то мне и не хватало... Разрешите присесть?

— Конечно, — ответили вышеперечисленные лица. — Не желаете ли отведать таллинского кефирчика?

— С удовольствием. Это мой любимый напиток. А пока я буду его смаковать, пусть-ка магнитофон покрутится...

— Зачем?

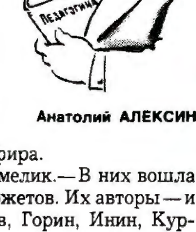
— Чтобы увезти на память о фестивале ваши интервью... Ведь все вы имеете самое непосредственное отношение к моему нынешнему лауреату — «Ералашу». Вы, Александр Григорьевич, его создали и редактируете. И происходит все это на студии, которой руководите вы, Евгений Сергеевич. А вы, Анатолий Георгиевич, пропагандируете журнал в телепередаче «Лица друзей»...

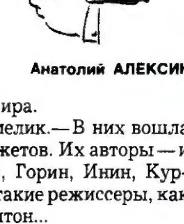
— Не только, — сказал Алексин. — Я пропагандирую его везде, где только можно. Вы спросите — почему? Потому что некоторые люди ставят знак равенства между словами «весело» и «несерьезно». В то время как о самых серьезных вещах не только можно говорить в живой, остроумной форме, но порой это единственный путь к чувствам, к сознанию юных граждан.

— Например, стихи Агнии Барто, — поддержал его Хмелик. — Или же Сергея Михалкова...

— А в кинематографе — «Ералаш», — улыбнулся Котов. — Он делается у нас без нравоучений, без излишней дидактики, и за это его любит детвора. Я вообще считаю, что форма короткометражного детского кино очень перспективна. Особенно для малышей, младших школьников, которым бывает непросто воспринимать полуторачасовые картины.

Анатолий АЛЕКСИН

— Когда мы в сентябре семьдесят четвертого создавали наш журнал, — вновь заговорил Хмелик, — то очень хотели, чтобы он стал ребятам хорошим другом, помогал, подсказывал. И воспитывал — смехом.

— А сколько всего создано выпусков за прошедшее время? — поинтересовался Крокодил, заказывая себе вторую порцию таллинского кефира.

— Тридцать два, — ответил Хмелик. — В них вошла добрая сотня художественных сюжетов. Их авторы — и ваши авторы, Крокодил: Бахнов, Горин, Инин, Курляндский, Хайт... У нас работают такие режиссеры, как Дорман, Роговой, Гаврилов, Магитон...

— Должен тут заметить, — сказал Котов, — что сюжеты «Ералаша» ставят как зрелые мастера, так и начинающие режиссеры. Короткометражки помогают нам плодотворно выращивать режиссерскую поросль для детского кино.

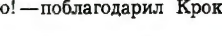
— Периодичность выхода «Ералаша», — продолжал Хмелик, — в будущем году увеличивается с четырех до шести номеров в год. И он станет всесоюзным, так как мы хотим привлечь к его созданию национальные студии страны, «Союзмультфильм» и так далее...

— Популярность «Ералаша» огромна, — внес дополнение Алексин. — Его любят и взрослые и дети. И я очень рад, что здесь, на кинофестивале, жюри конкурса детских и юношеских фильмов, которое мне довелось возглавлять, присудило «Ералашу» высокий приз. И вы, любезный Крокодил, тоже его отметили.

— Поэтому крокодильский приз очень для нас дорог, — поднял палец кверху Котов. — Мы его водрузим на почетное место в музее киностудии.

Евгений КОТОВ

— И все же главный ваш приз — это смех детей в зале! — поставил точку в разговоре Крокодил. Тем более, что пленка в магнитофоне кончилась, кефир в крокодиловом стакане иссяк, а время истекло. Надо было спешить в гостиницу, а затем к поезду Таллин — Москва.

— Спасибо за интервью! — поблагодарил Крокодил.

— Дай бог, не последнее, — ответили ералашевцы, поднимая стаканы с кефиром.

Дружеские шаржи Н. ЛИСОГОРСКОГО.

ПОЧЕМУ УЛЫБАЛСЯ СТАРЫЙ ТООМАС

В расцвете творческих сил справил свое 25-летие эстонский журнал сатиры и юмора «Пиккер» («Громовержец»).

«ЧТО ТУТ СМЕШНОГО?» — интриговали красочные объявления на улицах Таллина, приглашавшие на юбилейную выставку рисунков «Пиккера» в городском парке, где, кстати, также была развернута и прибывшая из Москвы экспозиция карикатур «Крокодилу — 60 лет».

Ряд художников, участников выставки «ЧТО ТУТ СМЕШНОГО?», получили призы, учрежденные различными организациями Эстонии. В частности, приза «За удачный дебют» был удостоен школьник Марек Страндберг. Парад-алле карикатуристов собрал многочисленных почитателей веселого карандаша. Упомянем двух из них. Ивар Каллион, работник Эстпотребсоюза, — обладатель (по состоянию на 18 июня) коллекции карикатур числом 83 361. У Яана Лахэ коллекция поменьше — девять тысяч карикатур, но у него все еще впереди: Яан пока перешел в четвертый класс художественной школы.

Вслед за творческим отчетом карикатуристов настала очередь фельетонистов и литераторов «Пиккера». Это произошло под открытым небом в парке Валлимяэ города Раквере, где состоялся грандиозный литературно-эстрадный праздник юмора. Вам когда-нибудь приходилось слышать, как хохочут почти три тысячи человек? На шоссе, проходящем неподалеку, удивленно останавливались автомашины. Как говорили некоторые из проезжавших, у них было впечатление, что ведутся взрывные работы в скальном грунте. Ничего удивительного — впечатление полностью соответствовало названию праздника: «ВЕСЕЛЬЕ ДО ВЗРЫВА». Славно поработала литературная половина «Пиккера»!

Если бы символ Таллина — старый Тоомас мог давать интервью, он наверняка сказал бы:

— На своем веку, или, если так можно выразиться, на своих веках (ведь мне пятая сотня лет), я повидал многое, но, признаться, не видел человека, который, читая «Пиккер», при этом ни разу бы не улыбнулся.

Пусть будут острыми и впредь
Стальные перья, словно пики.
И не давай им заржаветь,
Коллега мой, товарищ Пиккер!

Николай ШУМАКОВ

БЕЗ ДУРАКОВ

Однажды, вызвав инженера в кабинет
И усадив его в большое кресло,
Начальник,
Помня обещанья прошлых лет,
С ним разговор затеял интересный:
— Решиться вас повысить нелегко,
Хоть я и обещал...
Однако вы учтите:
Вам поручу отдел без дураков!..
— Отдел — без дураков?
Вы шутите?.. Не выйдет!..

Какое изобилие волос!
Что это?
Естество
Или причуда?..
Ну прямо-таки
Вылитый Христос!
А приглядишься пристальней —
Иуда...

Николай НОВИКОВ

ЗАВИСТНИКУ

Умилен ты, как будто бы повидло ешь.
Увы, увы, приятель, ты завидуешь,
И в похвале, как червь, укрылась ложь,
Завидуешь, не подавая виду лишь.
Диагноз прост — меня не проведешь!
Успеху ты завидуешь, наверное,
Свою звезду зовешь бабенкой нервною,
К чужой звезде скрывая интерес.
И мне знакомо это чувство скверное,
Питающее, так сказать, прогресс.
Я тоже клял судьбы хитросплетения,
Худел, ходил по свету бледной тенью я...
Так пусть тебе приснится странный сон —
Пусть явится к тебе; как будто к гению,
С античною кифарой Аполлон.
И молвит он: «С такой безумной жадностью,
Художник, ты заслуживаешь жалости,
Ты надоел мне, черт тебя дери!
Чужую славу возжелал — пожалуйста,
Вот лавры, вот овации — бери.
Пожалуйста, сияние известности
И критикою сказанные лестности,
Вот золото, пожалуйста, вот медь...
Однако, чтобы вышло все по честности,
Не только ими должен ты владеть.
Все забирай: и детские страдания,
Отца-пропойцу и недоедания,
Несчастья близких — нынешние, давние,
Весь мнившийся тебе счастливым путь.
Чужой судьбою я тебя одариваю,
Бери ж автомобильную аварию,
Тоску чужую — и не разговаривай,
Чужую зависть тоже не забудь!»
«Нет, нет!» — ты крикнешь грозному видению,
И тут проснешься от сердцебиения,
И о себе подумаешь: «Свинья!»
Вот то-то же, приятель, прочь сомнения!
Пусть неудача — только бы своя!

ЕЩЕ О «САРАНЧЕ»

Сначала письмо.

«Дорогой Крокодил! Мы внимательно и весьма серьезно прочитали «Саранчу на рельсах» (№ 8, 1982 г.). Скажем откровенно: нас кровно заинтересовал этот фельетон.

Горько сознавать, что на протяжении многих лет идет «дискуссия» на разных уровнях, между различными министерствами и ведомствами, а в это время ловкие людишки крадут, «раскулачивают» целые эшелоны сельскохозяйственной техники. Это не фантастика, не больное воображение отъявленного пессимиста. Вот один только факт, подтверждающий эту истину: за первый квартал 1982 года из шестидесяти колесных тракторов, поступивших в адрес нашей Дельтовской межрайонной «Сельхозтехники» Астраханской области, пятьдесят один трактор прибыл разукомплектованным.

Нетрудно представить картину в целом по стране: «саранча на рельсах» наносит огромный ущерб государству, а в конечном счете всем нам.

Мы, работники системы Госкомсельхозтехники, отлично знаем, сколько сил и энергии требуется, чтобы доукомплектовать разграбленную варварским образом технику, поступающую в адрес колхозов и совхозов. Мы видим, как достается механизаторам и всем, кто ведет сейчас бой за урожай, за хлеб, за Продовольственную программу.

Никакие штрафы не смогут возместить тех потерь, которые мы несем из-за «саранчи на рельсах». Ведь речь идет о хлебе, картофеле, овощах, которых без комбайна, трактора, автомашины не уберешь.

А. ГАВРИЛЕНКО, председатель группы народного контроля, К. БОГОМОЛЬНАЯ, старший инженер отдела сельхозмашин и оборудования, А. МЯСНИКОВА, заведующая складом, К. АЮПОВ, составитель, Р. АМАНУЛЛИН, начальник транспортного цеха, А. ШУМИГОРА, водитель автопогрузчика, Л. ШУВАЕВ, бригадир стропальщиков».

Нет, это не просто письмо. Это душевная боль людей, которые трудятся на переднем крае продовольственного фронта.

Крокодил не раз и не два публиковал материалы о разукомплектованных в пути по железной дороге тракторах, комбайнах, сеялках, культиваторах и автомашинах. Но — увы! — хищения на рельсах продолжаются, что особенно недопустимо сегодня, когда идет уборка урожая — первого после принятия Продовольственной программы.

К сожалению, ответ на фельетон «Саранча на рельсах», полученный из МПС и подписанный заместителем министра В. Н. Гинько, не вселил радужных надежд на то, что «саранча» не будет больше «объедать» уборочную технику.

«В целях улучшения положения с обеспечением сохранности перевозимых грузов,— пишет тов. Гинько,— Министерством путей сообщения осуществляется комплекс мер. В частности, разработаны новые конструкции пломб, запорных устройств вагонов, которые в настоящее время проходят испытания».

Запорные устройства и пломбы — это, безусловно, полезное дело. Однако сельскохозяйственная техника — и это известно заместителю министра лучше, чем нам! — перевозится не в закрытых вагонах, а на платформах. О каких же запорах может идти речь?

Далее В. Н. Гинько объясняет причины несохранности техники. Вот его дословный текст: «Одной из причин боя стекла и утраты запасных частей автотракторной техники является отгрузка ее в не подготовленном к транспортировке виде, без защиты и снятия бьющихся и легкоснимаемых деталей, предъявление одиночными вагонами или небольшими группами. МПС неоднократно направляло свои предложения по вопросу улучшения организации перевозок автотехники в различные ведомства, в том числе по раздельной поставке запасных частей и деталей, укрупненной отгрузке автотракторной техники в адреса территориальных баз и т. д. Однако вопрос этот в ряде случаев остается нерешенным».

Из этой цитаты можно понять, что МПС всячески старается наладить дело, но «в ряде случаев» кто-то таинственный сует палки в вагонные колеса. Но кто же этот тайный недоброжелатель? В фельетоне «Саранча на рельсах» об этом сказано было без экивоков: это, как ни странно, само железнодорожное ведомство, которое «в ряде случаев» слабовато охраняет переданное ему для доставки особо ценное государственное имущество.

Конечно, каждый комбайн можно разделить на десяток узлов и эти узлы уложить в разные вагоны, навесив на двери запорные устройства. Те, что сейчас (в который уж раз!) проходят испытания на надежность. Но, спрашивается, где гарантия того, что не начнут исчезать целиком вагоны с запчастями, узлами и неоткрываемыми запорными устройствами?

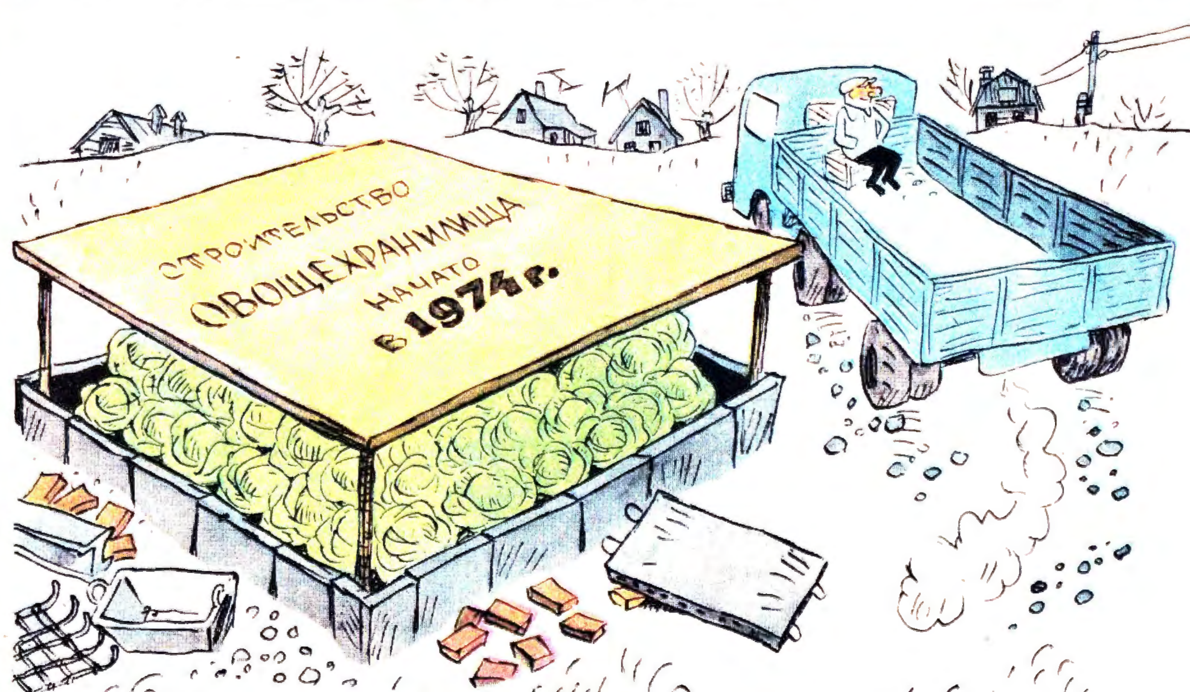
...Когда этот материал уже был подготовлен к печати, пришел ответ из Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Заместитель начальника транспортного управления В. Т. Горячев пишет: «Сообщаю вам, что предприятия отрасли согласовали с железными дорогами схемы погрузки тракторов и комбайнов и способы подготовки их для транспортирования, затрудняющие доступ посторонних лиц к ящикам с комплектующими деталями, наиболее расхищаемыми при перевозке. Совместно с Госкомсельхозтехникой СССР и МПС проделана работа по укрупнению разнарядок на поставку техники».

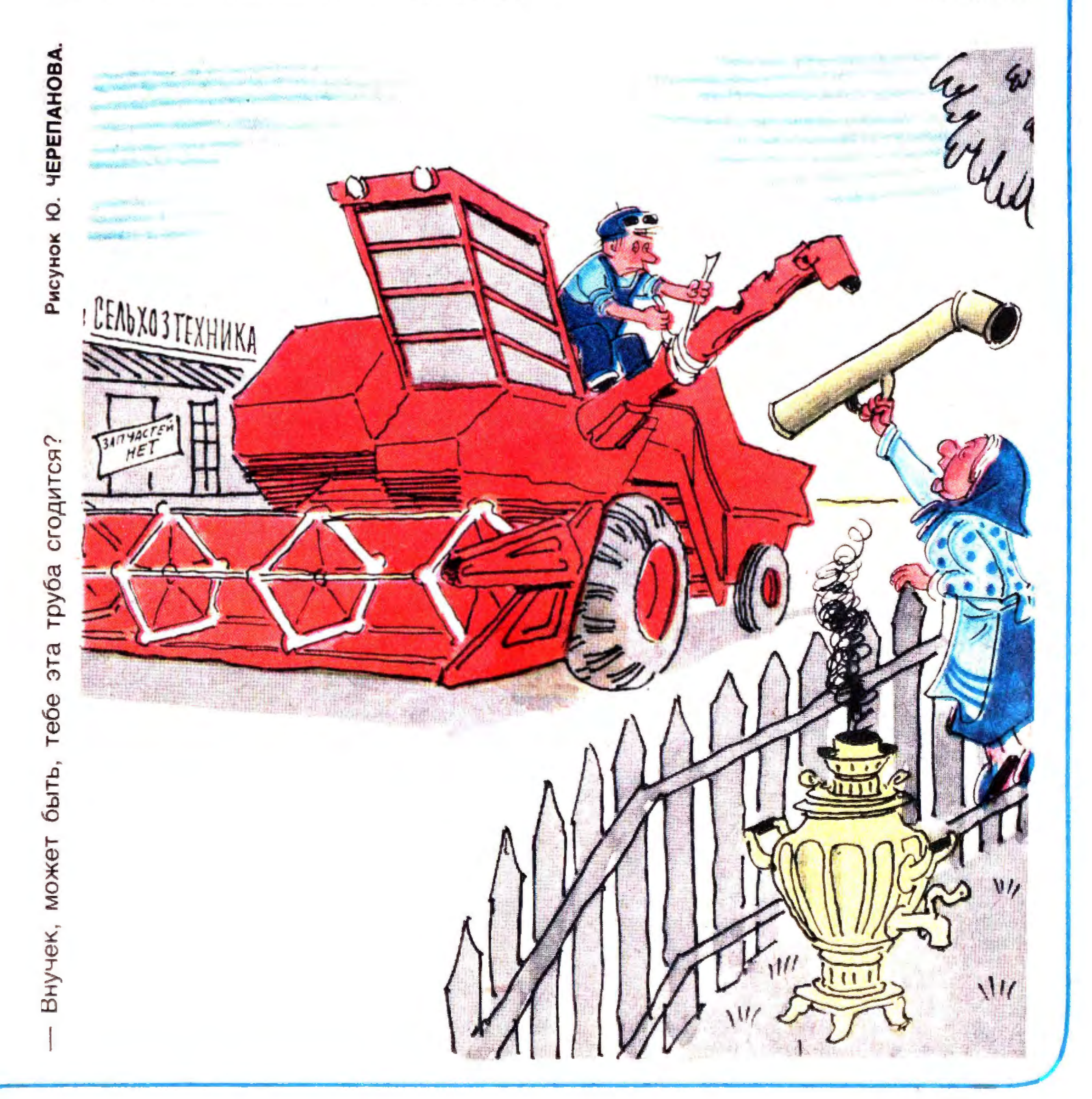
Это чрезвычайно отрадно. Наконец-то три ведомства согласовали свои действия. Однако, скажем прямо, оснований для особых восторгов пока нет. Вопрос можно будет считать решенным, когда *ни одной детали*, даже самой крошечной, не исчезнет в пути следования. Когда каждый комбайн, трактор, автомашину и прочую технику, которую ждут сельские труженики с нетерпением, можно будет немедленно отправлять в поле.

Ю. БОРИН.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Внучек, может быть, тебе эта труба сгодится?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

Бумажка-то подействовала

Инвалид Великой Отечественной войны Л. Галецкий пришел на адлерскую автобусную станцию, чтобы добраться до Сочи. Вместо того чтобы, согласно правилам, предоставить ему место в автобусе вне очереди, контролер станции гонял Л. Галецкого туда-сюда, пока от отчаяния он не решился на маленькую хитрость. Начертав на случайной бумажке время отправления очередного автобуса, он без лишних хлопот оказался в салоне автоэкипажа. «Вот почему я воздаю хвалу бумажке!» — восклицает в своем «ироническом письме» Л. Галецкий (№ 4, 1982 г.).

Заместитель начальника Сочинского транспортного управления Э. Усаченко сообщил редакции, что виновными в нечутком отношении к инвалиду войны оказались перронный контролер К. Головатова и начальник автостанции М. Карачковский. Их не наказали, так как они уволились до публикации заметки. Вновь назначенный начальник автостанции Г. Дерябин проинструктирован о порядке обслуживания инвалидов войны. Факты, указанные в «ироническом письме», были обсуждены на совещании сотрудников Сочинского объединения автовокзалов и пассажирских автостанций.

Кому станет жарко

В очерке «Город в подарок», опубликованном в № 36 журнала за 1981 год, автор С. Бодров помянул, между прочим, нехорошим словом автомобиль «КрАЗ», не по всем параметрам подходящий для работы в условиях Севера. В автомобиле затруднен доступ к смазывающимся узлам, а печка, по словам водителей Уренгоя, рассчитана исключительно на ташкентскую зиму.

И. о. главного инженера Кременчугского автозавода А. И. Браженеико сообщил нам, что замечания водителей обсуждены в конструкторском отделе. На смену устаревшей модели «КрАЗа» готовится новый автомобиль. Для северных районов в самосвалах будет предусмотрена дополнительная теплоизоляция кабины и эффективная система обогрева.

Что ж, пусть будет жарко водителям и на Севере!

Что и требовалось...

В пятом номере журнала (1982 г.) Крокодил сообщил об учреждении «Добровольного общества зажимщиков критики» — «ДОЗК». Первыми его членами стали герои фельетона А. Константинова «До новой встречи?» директор Островского хлебокомбината (Костромская область) А. Хватова и заведующая производством Т. Смирнова.

Секретарь Костромского обкома КПСС Г. Горячев ответил редакции, что областное руководство согласно с принятием в «ДОЗК» вышеозначенных товарищей. За серьезные недостатки, допущенные на хлебокомбинате, неправильное реагирование на критику в печати и со стороны работников комбината коммунистам А. Хватовой и Т. Смирновой объявлены выговоры с занесением в учетную карточку. А. Хватова от работы освобождена.

Будем надеяться, что эти меры одновременно помогут жителям поселка Островское наконец-то получить к столу нормальную, кондиционную продукцию хлебокомбината.

Только подумать, что судьба вновь занесла Гарунского в эту тихую заводь.

Тогда, тридцать лет назад, Ананий Семенович был хрупким юношей с тонкой шеей, склонным к экзальтации, почти несхожим с нынешним Гарунским, познавшим, как он сам любил говорить, «хмель надежд и крах иллюзий», и именно в этом заповеднике ему была суждена роковая встреча.

На танцах у ревматиков, в санатории, он и его приятель познакомились с двумя девушками, брюнеткой и блондинкой. Гарунский кружился весь вечер, был блестящ, остроумен, проводил ее домой, на улицу Тургенева, 2 (адрес врезался в его память навеки), потом они встретились еще раз, а потом надо было уезжать. Перед разлукой они целовались, а потом Гарунский отбыл, чувствуя, что душа от него отторглась и живет теперь сепаратно в покинутом городе.

Леонид ЗОРИН

Рассказ

И вот он здесь, в неожиданной малоприятной командировке, провел два дня в препирательствах с отяжелевшими от зноя людьми, натурами грубыми, далекими какой бы то ни было поэзии, какое им дело до того, что он на этих улицах испытал сильное молодое чувство, любил и был любим.

Слава аллаху, с делами покончено, он вернулся к себе, можно укладываться, но еще только три часа, день в разгаре — и в каком разгаре? — поезд уйдет лишь поздно вечером, а в пыльном номере душно, томительно, и хотя на улице адский котел, сидеть здесь просто невыносимо.

Гарунский дал волю тайным помыслам. А что ж такого? Почему бы и не сходить на Тургенева, 2, не взглянуть, какой стала милая Шура, почему бы им вместе с элегической грустью не вспомнить те мятежные дни?

Разумеется, она давно уже замужем — Гарунский представил себе пожилого седоусого человека с располагающим лицом,— ну что же, они сведут знакомство. «А знаете,— скажет он супругу,— я был влюблен в вашу жену». «Знаю,— ответит седоусый с улыбкой,— она ведь часто вас вспоминает».

И оба вздохнут, каждый о своем, и задумаются о странностях жизни.

Гарунский решился. На пороге он помедлил — торжественность визита требовала явиться в костюме, однако надеть пиджак было свыше сил человеческих, все равно, что взойти на костер,— Гарунский взглянул в мутное зеркало, нашел, что в полосатой сорочке он выглядит вполне пристойно, и отправился в путь.

* * *

Старожилы наотрез отказывались припомнить еще хоть один подобный денек. Раскаленный воздух, казалось, затвердел, деревья не давали ни прохлады, ни тени, тротуары плавились под стопами Гарунского, и, когда он вышел на улицу Тургенева, с него струилась тяжелая, жаркая капель, и весь он был взмыленный, как призовой скакун. Право, погода могла бы повести себя благородней.

Однако вот и знакомый двор, вот и зеленая калитка с почтовым ящиком, вот и винная палатка на другой стороне. «У этой вон самой палатки»,— вздохнул Гарунский, толкнул калитку и сразу же попал в другой мир.

Насколько тихо и сонно было на улице, настолько возбужденно и шумно было во дворе. Стояли два длинных стола, уставленные питьем и снедью, мужчины и женщины — вторых было больше — рассаживались на деревянных скамьях, голося и суетясь, точно спешили занять место.

Особа средних лет с остреньким носиком, узкими, еле намеченными губами окинула Гарунского ястребиным взглядом. Сразу можно было понять, что по кривой ее не объедешь.

— Это кого ж вам надо? — спросила она.

Гарунский покраснел.

— Видите ли... Счастливый случай...— Он невольно отметил в собственном голосе противные искательные интонации.— Бога ради, простите, если не вовремя... Я не был здесь много-много лет...

— Понимаю вашу мысль,— сухо прервала его остроносая.— Так вы к кому?

— К Шуре Сидоровой,— пролепетал Гарунский.

— К Александре Егоровне?

Гарунский смущенно развел руками.

— Возможно.

Отчества Шуры он не помнил, а вернее всего, и не знал.

— Так бы и сказали...— Губы ее совсем исчезли.— Александра, к тебе.

Полная дама в белом платье с капельками пота на круглом добром лице обернулась к Гарунскому.

— Вы от кого? — осведомилась она любезно.

— Я... от себя...— пробормотал Гарунский.— Я не был здесь много-много лет... Я к Шуре Сидоровой.

— Я Шура,— отозвалась полная дама.— Кто ж вы будете?

— Я Гарунский.— Искательные интонации стали нестерпимы.— Вы меня не помните? Ананий... Наник...

— Наник? — с сомнением повторила дама.

Гарунский кивнул.

— Наник.

Он почувствовал, что вокруг что-то изменилось, и не сразу догадался, что стало тихо. Смолкли голоса, шутки и прибаутки, уже не одна остроносая гостья, нет, решительно все, кто разместился за столами, пристально и недобро на него смотрели. Некоторые из мужского меньшинства даже привстали.

Гарунскому стало не по себе.

— Правда, прошло уже тридцать лет,— пробормотал он.— Вы извините...

И тут полная дама всплеснула руками:

— Вспомнила! Честное слово, вспомнила!

— Я, кажется, не вовремя...— заметил Гарунский.

— Почему не вовремя? — возразила Шура Сидорова.— Как раз вовремя. У меня свадьба. Проходите. Будете гостем.

Она потянула его за собой, стрекоча без умолку:

— Где ж мне вас посадить? Ой, как вы изменились! Никифор Николаич, подвиньтесь... Ну, надо же! Вот здесь... Со мной рядом... На уголке. Примет не боитесь? Это мой муж Петр Степаныч, а это друг его Василий Никитич... Леокадия Львовна... Катерина Сергеевна...

Гарунский напряженно улыбался, кивал, жал потные руки и все повторял:

— Я, кажется, не вовремя... И без подарка.

— Да,— неопределенно произнес Петр Степанович,— бывает...

Это был редкостно худой мужчина с очень мелкими чертами впалого лица, с вороной прядкой, косо падавшей на срезанный лоб.

— Простите,— на всякий случай сказал Гарунский.

— Чего уж теперь,— буркнула остроносая женщина, она и была Леокадия Львовна.

И крикнула тонким голосом:

— Ну, так за молодых! Горько!

Все крикнули, выпили, а Петр Степанович и Шура степенно поцеловались.

«Ну вот,— подумал Гарунский.— зачем я здесь?»

— Теперь я скажу,— сказала густым басом рыхлая Катерина Сергеевна и погасила о блюдечко сигарету,— вам. Петр Степанович, досталась очень хорошая женщина. Очень хорошая. Это надо ценить.

— Да, боже ты мой,— плачуще воскликнул Петр Степанович,— пятнадцать лет работаю в нашей печати! Ужели ж не разберусь в человеке?!

— Разберется,— заверил Василий Никитич.— Не в поле обсевок.

— Мужчина на зависть,— сказала Леокадия Львовна веско.

Гости одобрительно зашумели.

— Парочка хоть куда,— подытожила Катерина Сергеевна.— За ваше счастье! За вашу семью!

— Горько! — поддержал стол.

На этот раз к общему восторгу поцелуй молодых был продолжительней. Особенно постарался расхваленный Петр Степанович.

«И целуются, как зулусы,— вздыхал про себя Гарунский,— невыдержанно, дико... бежать... бежать...»

Но не сбежал, а вновь вместе со всеми осушил стакан.

— И как они пьют в такую жару? — пробормотал он чуть громче, чем надо.

И тут же услышал:

— Понимаю вашу мысль.

Леокадия глядела на него в упор немигающим ястребиным зрачком.

Гарунский невольно содрогнулся. Он выдавил гримасу, которую счел улыбкой, и стал озираться по сторонам, ища сочувственного лица. Но гости выглядели неприветливо, и каждый по-своему внушал опасения.

Подозрителен был, например, удалец в экстравагантном шейном платке, судя по всему, прожигатель жизни. Ничего хорошего не стоило ждать и от Василия Никитича, друга новобрачного. Это был хмурый квадратный человек, с одной стороны, олицетворявший грубую силу, с другой — доведенную до абсурда надежность. Невзирая на зной, он был в черном костюме и галстуке, что свидетельствовало о возможностях неограниченных.

Рядом с ним постреливал глазками старичок, также не вызывавший доверия, несмотря на благостный вид и знаки почтения, которые оказывало ему общество.

Гарунский чувствовал, что старец ядовит, хитер и способен на провокации.

Однако хуже всех был сидевший прямо напротив него розовощекий человек в батнике. Именно цвет его лица тревожил Гарунского больше всего. Он был розов не в том смысле, в каком принято говорить о младенце или малютке, сделавшем первые шаги. Розовый цвет его лица носил характер странный, даже пугающий. Казалось, что в свое время гость сильно обгорел, уцелел чудом и вышел из огня человеком без жалости. Голос у него был горловой, неясный, с разбойничьим присвистом.

— До дна! — выкрикнул он угрожающе, и Гарунский, поперхнувшись, выпил до дна.

Розовый, наклонясь к старичку, прохрипел удовлетворенно:

— Будь хоть из области — мне чихать. Сидишь со стаканом — забудь, что ты начальник. Перед лицом алкоголя все равны.

Предлагали тосты за молодых, за будущий приплод, за надежного Василия, за старичка Никифора Николаича, выражавшего собой связь поколений, за Леокадию, за рыхлую Катерину Сергеевну, за розового погорельца, за модника в шейном платке, за завтрашний лучезарный день. Гарунский обреченно чокался и пил вместе со всеми.

Между тем горячительные зелья и солнце делали свое дело — он ощутил некую размягченность и как следствие — примиренность с действительностью.

«В сущности, все они милые люди,— думал Гарунский, радуясь собственному добросердечию,— а Шура ведь хороша до сих пор...»

Он придвинулся к ней и тихо спросил:

— А помните то лето, Шурочка?

Повернув к нему потное разрумянившееся лицо, она пропела:

— Помнишь ты жаркое лето это?

И озабоченно добавила:

— Все-таки не такое жаркое, как сейчас. Просто ужас, с меня ручьи текут.

— Ну расскажите ж,— допытывался Гарунский,— как вы жили?

— Жила. Как все живут, так и я. А вы?

— О! — сказал Гарунский.— Это длинная и грустная повесть.

Он раскис. Захотелось пожаловаться на судьбу, захотелось участия. И Гарунский признался, что жизнь его представляет цепь нелегких испытаний, что были зигзаги и повороты, упомянул и о том, что пережил хмель надежд и крах иллюзий.

— А вы помните, как жутко я был в вас влюблен? — спросил он со слезой в голосе.— Как я вас провожал в последний раз? Вы мне открытку подарили...

— Правда? — изумилась Александра Егоровна.— Надо же! На самом деле, были влюблены?

— О чем вы спрашиваете? — с жаром укорил Гарунский.— Как вы можете?!

Но тут его прервали.

— Хватит шептаться,— крикнула бдительная Леокадия,— здесь общий разговор!

— Во-во,— угрюмо кивнул друг мужа.

Старичок улыбался благостно и лукаво.

И снова пошли тосты, и снова Гарунский брякал стаканом и за кого-то пил.

Просветленное состояние духа его оставило. Люди, которых он только что готов был принять в свое сердце, вдруг открылись в подлинном свете.

«Провалиться б вам,— думал он мрачно,— просто беда. Человеку не дают вспомнить лучшие дни его жизни, первую любовь. Какие-то каннибалы...»

С каждым новым тостом Гарунский становился все агрессивней. В душе рождалось сатанинское пламя, неуклонно набиравшее силу.

— А что это вы вздумали замуж пойти? — спросил он молодую.— Давно его знаете?

— Ой, что вы?! — всплеснула руками Александра Егоровна.— Мы были знакомы всего один день.

— Один день!..— вскрикнул Гарунский.

— Он приехал с Севера к Василию Никитичу в гости. Они где-то в отпуске подружились. А познакомила нас Леокадия.

— Так я и знал,— проскрежетал Гарунский.

— Мы тут же подали заявление. Он сразу уехал, он там работал в многотиражке, подвел черту и теперь окончательно перебрался. Как раз к регистрации.

— Жить будет у вас? — криво усмехнулся Гарунский.

— А где ж ему жить? — удивилась Александра Егоровна.

— Все ясно,— сказал Гарунский.— Ловко.

Молодая смотрела на него круглыми непонимающими глазами.

— Боже мой,— простонал Ананий Семенович,— кроткую, святую женщину обводят вокруг пальца, вселяют к ней в дом неизвестно кого, и все рады, счастливы, пьют и веселятся.

— Как это так? — Александра Егоровна растерялась.— Что значит «неизвестно кого»? Он мне теперь законный муж.

— Муж! — Гарунский махнул рукой.— Какой он вам муж, не произносите этого чистого слова. Что он знает о вас, этот муж? О ваших мечтах, порывах? О вашем внутреннем мире?

Лицо Александры Егоровны приняло виноватое выражение. Меж тем Гарунского несло.

— Законный? Да тут все законы нарушены. И самый главный — закон любви! Вы что же думаете, он вас любит? Да он и слова такого не знает. Это я вас любил! Ох, как любил! И люблю! Да! Люблю до сих пор! А его надо гнать поганой метлой!

Этот совет поверг Шуру Сидорову в смятение.

— Ну что вы говорите? — пробормотала она, озираясь.— Как это можно? Что скажут? И как это — вы меня любите? У вас семья...

— Что семья? — воскликнул Гарунский.— Сегодня она есть, а завтра ее нет. И из плена бегут. Все это призраки, Шура! Одни призраки! Я человек действия. Кого люблю, для того все на свете отдам!

Гарунский говорил и ощущал в себе невесть откуда взявшееся, не знающее запретов могущество, в него точно вселилась буйная таборная стихия.

— Вы думаете, я случайно здесь, с вами? Это судьба. Я должен спасти вас. Шура, решайся!

Александра Егоровна была польщена и смущена.

— Неудобно,— сказала она с сожалением.— Если бы вы хоть вчера приехали... а то видите... гости... и такой стол...

— Все — прах,— крикнул Гарунский, окончательно потерявший голову,— и стол, и гости, и ваш проходимец! Призраки! На самом деле их нет!

Это было опрометчивое заявление, хотя бы потому, что крики Гарунского наконец привлекли общее внимание и последние фразы он выплескивал уже в полной тишине.

— Товарищи! — высоким голосом воззвал Петр Степанович.— Друзья мои! Дорогие люди! Это что ж происходит на ваших честных глазах? Едва человек нашел свою пристань, как тут же являются и посягают. Под благородной маской!

От переживаний его смолистая прядка так и прыгала по скошенному челу.

— Сразу я поняла, что неспроста он явился,— сказала Леокадия Львовна, с ненавистью озирая Гарунского.

— Приходит на свадьбу с пустыми руками, да еще хамит,— поддержал ее щеголь с платком вокруг шеи.— Чему их там учат?

— Такую обиду кровью смывают,— объявил розовый, и угрожающий присвист вырвался из его горла.

Но Гарунский игнорировал эти опасные слова.

— Ах, как вы щепетильны! — он с вызовом рассмеялся.— Просто рыцари круглого стола! А вселить к беззащитной женщине неизвестного авантюриста морально?

Александра Егоровна похлопала ресницами и на всякий случай заплакала.

— Это намек! — крикнула Леокадия Львовна

Ее выпуклые очи метали молнии, а нос и вовсе превратился в клюв, занесенный над пришельцем.

— Что ж это такое? — басовито проговорила Катерина Сергеевна.— Вас приняли с открытой душой, а вы позволили себе вероломство. Никифор Николаич, скажите что-нибудь.

Благостный старичок пожевал губами и произнес:

— Пусть документы покажет.

— Понимаю вашу мысль,— радостно воскликнула Леокадия.

Квадратный вдруг поднялся со своего места. Вместе с надежностью ему была присуща некоторая заторможенность, и предложение ветерана дало ему наконец ясную программу действий.

Он встал рядом с Гарунским и положил на плечо Анания Семеновича металлическую ладонь.

— Не троньте его! — закричала Шура Сидорова.

— Вася! — рыдающе вскинул руки оскорбленный муж.— Ты слышишь? Она его защищает! Вася! Единственный друг! Смотри сюда! Не я убит, моя душа убита!

— Документы! — сказал Василий Никитич кратко.

— С какой стати?! — возмутился Гарунский.— Вы не смеете. У вас нет таких прав.

— Пусть покажет,— потребовал щеголь.— Нас больше.

— И не фыркай. На свадьбе начальников нет,— зловеще добавил розовощекий.

— Я не взял их,— ответил Гарунский с достоинством.— Я не мог предвидеть, что подвергнусь насилию.

— Значит, без документов,— задумчиво произнес старец.— Понятно.

— Стыдно вам в таком возрасте поощрять инстинкты,— с негодованием сказал Гарунский.

— Люди, видите? — с былинным распевом причитал Петр Степанович.— Люди, вы слышите? Кто ж неизвестный авантюрист? Я сразу усек — волк в овечьей шкуре! Слава богу, пятнадцать лет в печати. Спасибо вам, Александра Егоровна. Только не надо красивых фраз.

— Еще шипит на заслуженного старика,— сплюнул модник.— На кого шипишь? Ты его знаешь? Может, он гражданскую войну наблюдал?

— В милицию,— решил ветеран.

И Гарунского повлекли.

* * *

Все дальнейшее как-то смешалось в сознании. Путь по улицам в гудящей толпе, розовый гость с его клекотом, присвистом и бунтарскими речами, плач Александры Егоровны, вопли новобрачного, рука Василия Никитича на затекшем плече и проклятия Леокадии Львовны.

Смутно помнилось, как они вдруг предстали перед ничего не понимавшим сержантом, и сквозь крики, всхлипы, сквозь всю эту бестолочь — его обличение фарисеев, опутавших несчастную женщину.

В конце концов было решено задержать Гарунского до установления его личности и возвращения отсутствовавшего майора.

Полночи провел Ананий Семенович в душной комнатке на жесткой скамье и, естественно, опоздал на поезд.

Уехал он лишь на следующий день, усталый и выпотрошенный, словно над ним учинили тотальную хирургию.

Всю дорогу молча лежал на вагонной койке, и казалось ему, что он корчится на раскаленной сковороде.

И на этом медленном огне под стук колес, с треском и чадом сгорал миф о первой любви.

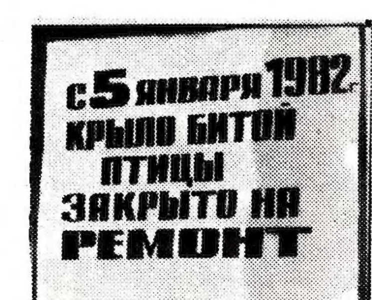

«Шлёпница, 6 руб.».

(Ценник шлёпанцев).
Прислала Т. Комарова, г. Ташкент.

«По знакомству через ее знакомого у нее в 1951 году родился незаконно сын от меня».

(Из заявления).
Прислал А. Логинов, Ленинградская область.

(Объявление на рынке).
Прислал В. Козелько, г. Харьков.

БУЛКА
БУЛОЧНАЯ
1/200Г.
0,07

(Ценник).
Прислал Я. Жукс, г. Красный Луч.

КРОКОДИЛИНКИ ОТПУСКНЫЕ

Рисунок С. ВЕТКИНА.

Рисунок А. УМЯРОВА.

— Главное — не заблудиться!

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

— Гамаков нигде нет.

Рисунок А. УМЯРОВА.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

СЛЕЗИНКИ-КРОКОДИЛИНКИ

К некоторым итогам участия нашей команды в футбольном первенстве мира.

У ворот построил дзот
Тренер Энцо Беарзот.

Звон медалей, кубка зов
Раньше всех услышал Зофф.

На футбольном горизонте
Ярче звезд блистает Конти.

Исчезают все вопросы,
Коль на поле вышел Росси.

От любой уйдет погони
В миг синьор Антониони.

Эдер с Зико приуныли:
Не пройти никак Джентиле.

Мчит с мячом быстрее лани
И Франческо Грациани.

Мяч пинает с колыбели
Юный форвард Альтобелли.

На почетном пьедестале
Несравненный Ориали.

Ну а что, к примеру, мне
Написать о Блохине?

И. ШАТУНОВСКИЙ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

— Скажите, почему вы ударили потерпевшего по лицу левой рукой?

— Потому что правой рукой я в этот момент с ним здоровался.

●

Женщина отказалась выступать в качестве присяжного заседателя, поскольку она принципиально против смертной казни.

— Это не имеет значения,— сказал судья.— Суть данного дела в том, что жена предъявляет иск мужу, проигравшему в покер семьсот фунтов, которые были отложены на покупку ей шубки ко дню рождения.

— Это — другое дело. И пожалуй, насчет смертной казни я не права.

●

После долгих дебатов присяжные вынесли вердикт: «Обвиняемый не мог совершить это преступление, поскольку его не было в это время в городе, но если бы он был, он бы его обязательно совершил».

●

Женщина, обвиненная в убийстве своего мужа, была оправдана благодаря стараниям присяжной заседательницы.

— Мне стало ее так жаль,— объясняла она приятельнице,— ведь она вдова...

●

Адвокат сообщил женщине, чьи интересы он представлял:

— Я сумел договориться с вашим мужем так, что условия развода устроят вас обоих.

— Устроят обоих?! — возмутилась дама.— Так я и сама могла бы договориться! Не для этого я нанимала адвоката!

●

— Каким образом я могу развестись с моим мужем?

— А что сделал ваш муж?

— Я обязательно должна это сказать?

— Конечно, нам ведь придется вести бракоразводный процесс.

— Он еще ничего не сделал. Я вообще не замужем, но мне бы хотелось знать заранее, как в случае необходимости можно развестись.

●

В Нью-Йорке судят крупного гангстера. Знаменитый адвокат долго и красноречиво рассказывает, какой кристально честный человек его подзащитный. В конце концов преступник не выдерживает и кричит:

— В чем дело? Я заплатил ему сто тысяч, а он защищает кого-то еще!

●

Полицейский задержал двух пьяных шотландцев и доставил их в полицейский суд:

— А где третий? — грозно спросил судья.

— Какой третий?

— Который за вас платил.

●

Билл ГРАНТ (Англия)

Тест для папы

— Как ты себя ведешь? — спросил я своего двенадцатилетнего сына.— Разговариваешь за столом с полным ртом, зная, что я этого не переношу. Ужасная привычка! И еще не понимаешь, что я сказал.

Проглотив кусок хлеба, я повторил:

— Если и есть что-то, чего я не терплю, это разговоры с набитым ртом. Проглоти и тогда сможешь говорить.

В этом вопросе я непоколебим. Дай этим молодым волю, и еще неизвестно, как они воспользуются ею. Поэтому надо занять твердую позицию.

Никто не помогает мне больше, чем жена.

— Пора бы тебе быть более настойчивым...

Этого достаточно — я понимаю намек. Мгновенно встаю со стула и закатываю громовую речь о правилах хорошего тона.

На днях вечером мы сидели у камина.

— Для тебя здесь тест, папа. Тест о хороших манерах,— сказал сын, читая журнал.

Не выпуская трубку изо рта, я улыбнулся.

— Замечательно. Посмотрим, сколько очков я наберу.

Последовало молчание. Затем сын сказал:

— Себя я не проверяю, ведь я не женат.

Я отложил свою газету. Проявлю-ка внимание к парнишке — это полезно для воспитания.

— Что они спрашивают, дружище?

— Ну, например, первое. «Когда вы уходите с женой, говорите ли вы: 1. Не спеши, дорогая. 2. Чем ты занимаешься? 3. Посмотри на меня, я уже готов!»

— В самом деле,— пробормотал я,— что еще?

— «Если вы поглощены книгой, а жена просит вас о чем-нибудь, вы отвечаете: 1. Сейчас! 2. Через пять минут. 3. Завтра утром».

Я взял журнал и заметил, что жена, слегка улыбаясь, вышла из комнаты. Не иначе, эту глупую анкету составил кто-то из наших знакомых. Я нашел статью и прочел: «Когда вы приходите домой в день стирки, вы говорите: 1. Когда ты успела столько перестирать? 2. Устала после стирки, дорогая? 3. Что за чертовщина висит здесь кругом?»

«Когда на обед манная каша, вы восклицаете: 1. О боже, боже! 2. Опять это? 3. Не может быть!»

«Когда она просит пойти куда-то вечером вместе, вы отвечаете: 1. Конечно, моя любовь. 2. Завтра вечером, дорогая. 3. А чем тебе плохо дома, курочка?»

Мой сын перебил чтение:

— Сколько очков ты набрал, папа?

Я сказал ему, что меня не интересуют эти дурацкие очки. Вопросы слишком глупые. Воспитанный человек вообще не станет читать эту дребедень.

Я взял снова газету, но вынужден был тут же опустить ее.

— Да открой же дверь, поросенок! — заорал я.— Мать-старуха тащит уголь для камина, а ты даже не подумаешь встать. И не спотыкайся о мои ноги, обормот!

Ну как тут не вспомнить старые добрые времена, когда воспитанные дети не нуждались в понуканиях...

Перевела С. БРОДСКАЯ.

— Мне тоже нравится его стиль за склонность к абстрактному...

«Ривели», Англия.

— Опять грачи клюют твои посадки, Джузеппе?

«Вие нуове», Италия.

— Значит, Питер, у тебя нет других планов на будущее, кроме поджога школы?

«Глоб энд мейл», Канада.

СЛОВА, СЛОВА...

Стороны несут самые большие потери, когда сражаются до последней капли чернил.

Из памятки вавилонским сутяжникам.

Не жалуйтесь на невнимание — если от вас отвернулась Фортуна, вами может заинтересоваться Фемида.

Из многовековых наблюдений.

Голос совести, как правило, выступает на правах совещательного голоса.

Из записных книжек Сократа.

Свое место в жизни найти нетрудно — трудно занять его.

Жалоба безымянного карьериста.

Есть люди настолько скупые, что даже богу душу отдают под проценты.

Б. Илиа, голландский журналист.

Ласло КАРЦАГИ (Венгрия)

Теория вероятности

Мы сидели с моим другом на террасе кафе, потягивали пиво и разглядывали проходящих по улице женщин. Да, весна явно вступила в свои права, это можно было ощутить еще и потому, что мой друг Гурига от одной-единственной бутылки пива впал в философское настроение.

— Старик, у нас никаких шансов,— меланхолично заметил он, вытащил листок бумаги и принялся что-то считать.— В нашей стране живет пять миллионов женщин, так? Из них в интересующем нас возрасте — от двадцати до тридцати пяти — наберется, пожалуй, один миллион. Но скольких мы можем встретить в течение жизни? Ну, от силы тысяч десять. Теперь предположим,— вошел во вкус Гурига,— что в лучшем случае каждая сотая встреча предоставит возможности для знакомства. Значит, остается сто женщин, с которыми мы можем познакомиться.

— Господи, мне и пятидесяти за глаза хватило бы,— перебил я приятеля, но он решительно продолжал:

— Не отвлекайся. Продолжим лучше наши расчеты. Ни тебя, ни меня никак не назовешь Адонисом. Посмотрим правде в глаза и скажем себе, что минимум процентам восьмидесяти мы просто-напросто не понравимся. Сколько остается? Все-таки двадцать человек.

— Совсем не так плохо.

— Пойдем дальше. Мы ведь с тобой тоже довольно привередливы, поэтому все двадцать нам, безусловно, не понравятся. И так как нужно смотреть не только на внешность, но и искать, так сказать, родственную душу, то остается самое большее человек пять. Но из них по меньшей мере четверо любят других...

— Осторожнее! Ты что, в старых холостяках меня оставить хочешь? — сказал я, однако остановить приятеля было уже невозможно.

— Из одной оставшейся у двух как минимум невыносимые мамаши, у трех чересчур высокие требования, и наши зарплаты их не устроят, а одна верна своему жениху.

— Боже, ты уже перешел на отрицательные числа! Эдак ты скоро примешься за мнимые, а мне мнимая спутница жизни не нужна. И потом, как-то все-таки люди женятся?

— Ты прав, в наши расчеты надо ввести еще одну величину — невезение. И если уж человеку не повезет, тут-то он и женится...

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

КРОКОДИЛ
№ 23 (2393)
август

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, Ю. Андреев, М. Вайсборд, С. Веткин, В. Владов, Е. Милутка, В. Мохов, В. Мочалов, А. Панасенко (г. Белгород), Ю. Степанов, А. Умяров, Ю. Черепанов.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 13.07.82.
Подписано к печати 20.07.82.
А 05141.
Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{8}$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл.-кр. отт. 11,20.
Тираж 5620000 экз.
(1-й завод: 1—3470485).
Изд. № 1817. Зак. № 2874.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

Мечта о руководстве миром,
Всем небосводом и эфиром.

Стихи С. МИХАЛКОВА. Рисунок М. АБРАМОВА.